**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ**

М. М. Кухтин

АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Учебное пособие

Донецк
ГОУ ВПО «ДонНУ»
2020

УДК 327(072)
ББК С562.26р30
К 957

Рецензенты:

Бадалова Е.В., к.и.н., доцент кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

Черникова В.В., к.полит.н., доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «ВГУ»

Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 2 от 6.03.2020 г.)

Автор: **Кухтин М.М.**

К 957 Актуальные политические проблемы международной системы: учебное пособие.– Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020. – 106 с.

Учебное пособие подготовлено на базе читаемого автором программного курса для магистров, опубликованных им по темам курса научных статей, документов региональных международных организаций Европейского Союза, а также материалов учебных пособий МГУ и МГИМО, Санкт-Петербургского университета под руководством профессоров П.А. Цыганкова, А.Д. Воскресенского, И.Н. Барыгина, Дергачева В.А., Вардонского Л.Б и др.

Главная цель пособия – сообщить студентам необходимые знания о деятельности региональных международных организаций как подсистем общей системы международных организаций на современном этапе.

УДК 327(072)

ББК С562.26р30

© Кухтин М.М., 2020
© ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ 13
2.1. Международная система: основные направления системного подхода к анализу международных отношений 13
2.2. Типы и структуры международных систем 17
2.3. Государства как основные участники международных отношений и мировой политики 22
2.4. Международные организации и другие негосударственные игроки в международных отношениях и мировой политике 27
2.5. Динамика структуры современной международной системы (полярность, возвышение новых центров силы, страны БРИКС, относительное ослабление США, место России) 33
2.6. Динамика основных правил и норм в международных отношениях и мировой политике, ценностно-идеологический фактор в мировой политике 39
2.7. Глобализация мировой экономики и политики и формирование предпосылок глобального управления 42
2.8. Международные конфликты в современном мире 46
2.9. Транснациональные вызовы и угрозы международной безопасности: военный аспект 51
2.10. Транснациональные невоенные вызовы и угрозы международной безопасности 54
ГЛОССАРИЙ 64
ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА 76
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ 82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 89
РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА 94
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ 103

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие призвано облегчить освоение учебной дисциплины «Политические проблемы международной системы» студентами магистратуры направления подготовки 41.04.05 «Международные отношения». Оно в полной мере соответствует учебно-методическому комплексу и фонду оценочных средств дисциплины, помогает студенту оптимизировать работу с существующими учебниками и учебными пособиями, в ряде отношений дополняя их дидактический аппарат и методические рекомендации.

Актуальность учебного издания обусловлена особенностями самой дисциплины, которая призвана отражать и текущие, незавершенные международно-политические процессы. Кроме того, в современный период исследования мирового развития характеризуются методологическим плюрализмом и непрекращающимся соперничеством разнородных подходов и парадигм, не исключающим их частичного синтеза. Соответственно, структура и содержание учебной дисциплины должны регулярно обновляться. Новизна пособия обусловлена глубокой содержательной разработкой предлагаемых тем с акцентом на противоречивом генезисе и различных сценариях дальнейшего развития теории. Авторская концепция нашла свое отражение как в освещении отдельных фундаментальных вопросов, так и в общих композиционных принципах издания. Она основана на признании диалектического единства исторического и логического в исследованиях международных отношений, на строго системном подходе к изучению общественных явлений. Современные исследования международно-политических проблем рассматриваются в контексте истории идей, концептуальных истоков различных подходов. Раскрываются различные трактовки объекта, предмета и метода дисциплины, обсуждаются нерешенные научные проблемы, пути преодоления существующих между различными школами разногласий.

Издание может использоваться при овладении материалом курса в течение семестра, при подготовке к итоговому контролю знаний, в процессе самообразования. Оно помогает студентам творчески применить полученные знания и навыки, перейти к осознанному и активному решению задач, предполагаемых профессиональной деятельностью специалиста в сфере международных отношений. Структура издания отражает композицию учебно-методического комплекса и фонда оценочных средств дисциплины, что обеспечивает единство требований к результатам учебной деятельности студента.

Особое внимание следует обратить на список рекомендуемой литературы, указывающий перспективные направления углубленного изучения предмета. Приведенные информационные ресурсы ориентируют на

самостоятельный поиск научных сведений с использованием новейших коммуникационных технологий.

Для более эффективного овладения материалом курса студенту необходимы краткие сведения об историческом развитии теории международных отношений.

На рубеже XIX-XX вв. традиционная история дипломатии была раскритикована геополитиками и теоретиками империализма, отвергавшими ее сугубо описательный подход к изучаемому предмету и ложные нормативные установки. Геополитики изучали структуру мирового пространства, понимаемого как качественная категория, теоретики империализма делали акцент на изучении структуры мировой экономики.

«Отцом геополитики» считается английский географ Х. Д. Макиндер, выдвинувший концепцию «географической оси истории», под которой он понимал внутренние, лишенные доступа к судоходным морям и океанам районы Евразии. Их окружают внутренний и внешний полумесяцы. Морские державы внешнего полумесяца (в первую очередь, Великобритания) противостоят попыткам «центральной» державы (России) установить свой контроль над частями внутреннего полумесяца и добавить к своей огромной сухопутной мощи еще и морскую.

Автором термина «геополитика» является шведский ученый Р. Челлен. Он же поспособствовал формированию представления о государстве как стремящемся к экспансии квазиорганизме.

Видным теоретиком империализма был английский либерал Д. Гобсон. Он считал, что империализм возник из-за несправедливого распределения доходов в капиталистических странах. Данная политика (захват колоний, экспансия ТНК и т. д.) обусловлена «избытком» товаров и капитала на Западе. Социальная реформа, направленная на частичное перераспределение национального богатства, покончит с империализмом, который в большой степени является случайным феноменом.

Создатель более влиятельной (марксистской) теории империализма В. И. Ленин, напротив, доказывал, что империализм – это закономерная, высшая стадия развития капитализма и что покончить с ним и с капитализмом в целом сможет только пролетарская революция.

Первый «большой спор» в теории международных отношений шел во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Новый глобальный конфликт выявил всю несостоятельность версии политического идеализма, господствовавшей в межвоенный период. Лига наций не оправдала возложенных на нее надежд, мораль и право как регуляторы международных отношений были сильно переоценены либеральными теоретиками. В том числе

и из-за ошибок анализа меры, принятые для предотвращения Второй мировой войны, оказались недостаточными. Реалисты стремились извлечь уроки из сложившейся ситуации и создать более адекватную фактам теорию. Они настаивали на центральной роли государств в международной жизни и доказывали слабость, неэффективность международных организаций. Сила (понимаемая в военных и экономических терминах) является главным фактором международных отношений, а моральные и правовые нормы играют в них подчиненную роль. Государства мира стремятся реализовать свои национальные интересы, состоящие, главным образом, в выживании, сохранении и увеличении мощи и влияния. Чтобы обеспечить свою безопасность и достичь других внешнеполитических целей, государства заключают союзы. В системе баланса сил любой претендент на гегемонию сталкивается с противостоящей ему коалицией и, как правило, в итоге отступает. Именно баланс сил, а не международные организации и международное право, способен ограничить конфликты между государствами. При этом конфликтность и анархичность международных отношений – это их сущностные, неустранимые черты, поскольку человек, по убеждению реалистов, по своей природе зол, эгоистичен и властолюбив. Государства должны реально оценивать свою и чужую мощь, рационально отстаивать свои национальные интересы, не впадая в идеализм. По мнению реалистов, анализ внутренней политики государства несущественен для понимания его внешнеполитического курса, определяемого его интересами и способностью их защищать.

Неомарксисты творчески развили учение К. Маркса и Ф. Энгельса, однако их интерпретация марксизма сильно отличалась от официальной идеологии СССР. Представители данной школы делали акцент на критике буржуазного общества и исследованиях империализма. Они задались вопросом, почему экономические реформы в Латинской Америке редко дают желаемый результат, хотя целый ряд стран региона обладает и многочисленным трудолюбивым населением, и достаточными природными ресурсами, а их политические элиты достаточно компетентны.

Несоответствие результатов ожиданиям объясняется тем, что рассматриваемые страны уже включены в мир-систему и имеют в ней периферийный статус. Развитые капиталистические страны построили систему неоколониальной эксплуатации, которая поддерживается кабальными кредитами МВФ, деятельностью западных ТНК и компрадорской буржуазии в развивающихся странах. Пока данный порядок сохраняется, любые попытки стран «третьего мира» достичь процветания и отстоять свой экономический и политический суверенитет будут пресекаться международной элитой. Чтобы

покончить с эксплуатацией и угнетением, необходимо изменить систему в глобальном масштабе, реформы на уровне отдельных стран здесь не помогут.

Неомарксизм является частным случаем радикальной парадигмы международных отношений, сторонники которой подчеркивают неравноправный характер международного торгового обмена, зависимость слабых стран от сильных и призывают перестроить мировую экономику на более справедливых началах.

Неомарксизм тесно связан с так называемой критической теорией общества, объясняющей политические процессы, в частности, через призму концепций эксклюзивности/инклюзивности и проливающей свет на ряд гносеологических проблем.

В современной теории международных отношений доминируют два направления – неореализм и неолиберализм. Оба они признают центральную роль государства в современных международных отношениях, их системный и закономерный характер, называют, в принципе, одни и те же типы их акторов. Однако расхождения между теоретиками двух упомянутых школ остаются существенными.

Неореалисты акцентируют конфликтный потенциал современных международных отношений, неолибералы же подчеркивают тенденцию к укреплению сотрудничества. Первые считают силу главным фактором международных отношений, вторые отводят данную роль морали и праву. Ведутся споры о соотношении сил между государствами и акторами других типов, о границах международной анархии. Несмотря на перечисленные разногласия, у неореализма и неолиберализма достаточно точек соприкосновения для оправдания концепции «синтеза нео-нео», предсказывающей скорое появление единой теории.

Свои позиции сохраняет и неомарксизм, сторонники которого рассматривают структуру мировой экономики через призму классового подхода, указывают на империалистический характер внешней политики развитых капиталистических стран.

Меньшим влиянием пользуются конструктивизм, теории интеграции, международная политическая экономия, хотя их способность эффективно решать частные проблемы в целом признана научным сообществом. Сегодня теории международных отношений трудно успевать за стремительно меняющимися конкретно-историческими условиями. Глобальные сдвиги, происходящие в политике, экономике и жизни народных масс, требуют глубокого всестороннего осмысления, которое возможно на основе междисциплинарного подхода. От решения данной задачи зависит практическое значение теории международных отношений в будущем.

Прежде чем перейти к анализу структуры и содержания дисциплины, необходимо дать краткий очерк методологии политических исследований, призванный сориентировать студента на пути самостоятельного овладения дисциплиной и творческой научной работы.

Политология опирается на методы социальных наук. Остается открытым вопрос о том, располагает ли она специфическими, доступными только ей методами исследования. Некоторые считают, что политические исследования по необходимости эклектичны, основаны на сочетании методик, свойственных разным гуманитарным наукам. Впрочем, использование политологами общенаучных методов и критериев достоверности уже предохраняет их от многих заблуждений и неверных выводов. Особого упоминания заслуживают анализ и синтез, индукция и дедукция, абстракция, компаративный и системный подходы.

Изучение сложных объектов предполагает их мысленное расчленение на ряд более простых, выделение в них аспектов, наиболее интересных в свете заявленной темы исследования. Описание множества частных случаев позволяет классифицировать изучаемые явления и отделить их существенные черты от несущественных. После завершения анализа выполняется синтез – создание общей картины явления на основании сделанных частных выводов.

В политических науках неизбежно преобладание индуктивного метода над дедуктивным. Здесь ученый имеет дело с отдельными явлениями, из которых можно выводить статистические закономерности. Обратным приемом следует пользоваться с осторожностью – в гуманитарных науках практически невозможно предсказать явление или процесс, руководствуясь чисто априорными соображениями.

Рассмотрим специально-научные методы, выделяемые большинством политологов, – хронологический, синхронный, диахронный, типологический, исторический, сравнительно-исторический, историко-социологический, эмпирический и количественный.

Применение хронологического метода позволяет составить периодизацию изучаемых событий, упорядочить их в зависимости от цели исследования. В качестве вспомогательных методов используются синхронный и диахронный. Суть первого состоит в изучении параллельных событий, суть второго – в намеренном сопоставлении событий, относящихся к разным периодам.

Широко используется типологический метод, позволяющий выделить существенное в изучаемых явлениях и разделить их на относительно однородные по составу группы. Создание типологии объектов является необходимой предпосылкой для их сравнительного анализа. Таким образом,

компаративный подход можно рассматривать как продолжение типологического.

Политолог не должен забывать о принципах объективности, системности и историзма. Требование объективности предполагает использование инструментария, позволяющего отделить представления исследователя о предмете от самого предмета. Наибольшие шансы на успех дают количественные методы обработки данных, поскольку статистика наименее подвержена искажениям при истолковании в рамках предвзятой концепции. Согласно теории систем, любое явление необходимо рассматривать в контексте его среды, от которой исходят требования и поддержки. Система есть совокупность элементов и отношений между ними, в своем развитии она может проходить точки бифуркации, в которых малейшее воздействие может привести к скачкообразному изменению ее структуры. Системный подход незаменим, когда речь идет о сложных, многоуровневых, самоорганизующихся объектах, таких как государство, общество, система международных отношений и так далее. Американский исследователь Д. Истон сделал весомый вклад в развитие теории систем. Принцип историзма требует всестороннего учета различных этапов становления объекта, отчасти позволяющего объяснить его наблюдаемое состояние.

Исторический метод позволяет исключить проявления волюнтаризма и субъективизма из политологии и практической политики. Изучение конкретно-исторических условий помогает получить целостное представление о той или иной эпохе.

Большая советская энциклопедия определяет сравнительно-исторический метод следующим образом: «Сравнительно-исторический метод, научный метод, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений; разновидность исторического метода». Упомянутый метод часто связывают со структурно-функциональным анализом, который определяется как «принцип системного исследования социальных явлений и процессов как структурно расчленённой целостности, в которой каждый элемент структуры имеет определённое функциональное назначение». Из приведенных определений можно сделать вывод, что верность принципам системности и историчности совершенно необходима при применении компаративного подхода, предполагающего установление признаков сходства или различия двух или более предметов.

В политологии очень важен эмпирический метод, поскольку только опытные данные могут подтвердить или опровергнуть теоретические

положения, выдвинутые на основании некой системы априорных принципов. Он предполагает использование количественных приемов обработки информации, среди которых следует назвать контент-анализ и статистический метод.

Существуют различные классификации методов познания. Выделяют, например, методы эксперимента, наблюдения, методы обработки эмпирических данных, построения научной теории, изложения научных результатов и так далее. Также методы делят на философские, общенаучные и специально-научные. Третья их классификация содержит всего две категории – количественные и качественные. Сейчас растет взаимозависимость между науками, приобретают популярность междисциплинарные исследования. Соответственно, открывается возможность синтеза методов разных наук, даже далеких друг от друга.

В политологии способ познания зависит от конкретной парадигмы, единой универсальной теории в ней нет, хотя ряд общенаучных методов признается всеми школами политической науки. Часть из них была подробно рассмотрена выше, о других стоит упомянуть здесь – имеются в виду моделирование, наблюдение, особенности правильного мышления, изучаемые логикой. Рассмотрим моделирование подробнее. Данный метод состоит в построении и исследовании аналога реального политического объекта. Моделирование применяется в тех случаях, когда изучение самого объекта невозможно или затруднительно. Примерами такого рода могут служить отдельные механизмы или фрагменты политической системы и политические институты.

Методы науки не появляются сразу в готовом виде, они проходят долгий и непростой путь исторического развития. Некоторые историки науки выделяют следующие периоды становления политологии: классический (дедукция, морально-аксиологический и логико-философский методы), институциональный (сравнительно-исторический и нормативно-институциональный методы), бихевиористский (количественный анализ), постбихевиористский (сочетание старых и новых подходов).

В политологии представляется целесообразным разделить исследовательские методы на две группы: традиционные и новые. Традиционные были описаны выше, сейчас необходимо кратко охарактеризовать новые:

1) Бихевиоризм (от англ. behavior – поведение) исследует поведение индивидуумов во время выборов, при принятии политических решений и так далее. Он видит политический процесс как взаимодействие и соперничество групп, заинтересованных в обладании ресурсами власти. Сторонники данного

подхода используют достижения разных наук, в первую очередь – психологии. Они стремятся как к теоретическому анализу, так и к выработке практических рекомендаций. Бихевиоризм делает акцент на систематическом наблюдении за политическими процессами и их повседневным воздействием на социальные и политические структуры.

2) Теория групп. По мнению американских исследователей А. Бентли и Е. Херринга, политика – это, прежде всего, борьба групп. Данная школа много внимания уделяет изучению внутригруппового взаимодействия, структуры и характера групп, стремится классифицировать их на основе прозрачных и строгих критериев.

3) Метод политической коммуникации, которая представляет собой обмен мнениями о политике между лицами и группами лиц. Люди могут общаться лично, через произведения искусства, научные работы, средства массовой информации. Данное направление анализа разрабатывал, в частности, видный немецкий политолог К. Дойч.

4) Теория игр помогает построить достоверные модели поведения политических лидеров, проливает свет на процесс переговоров и механизмы принятия политических решений. Формализованные методы, существующие в рамках данного подхода, отличаются точностью, широким охватом материала и ориентацией на практику.

5) Кибернетический метод состоит в анализе информационных потоков, обратных связей и коммуникативных механизмов, характерных для изучаемой политической системы.

6) Коммуникативный метод направлен на изучение способов и форм общения людей, участвующих в политической жизни общества.

7) Политико-культурные методы проливают свет на субъективные предпочтения элит и народных масс, взаимодействие которых определяет облик данного общества.

Для политологии важна разница между методами и методиками. Метод отражает мировоззрение исследователя, разделяемые им идеи и ценности. Методика – это лишь сумма по преимуществу технических приемов сбора и обработки эмпирических данных.

Ученым удалось открыть множество закономерностей, управляющих политическими процессами, но о законах политологии, подобных законам физики, говорить пока рано. Гипотетический характер предлагаемых политологами объяснений проявляется, в частности, в том, что на их основе невозможно точно предсказывать будущие события. По мнению французского ученого М. Дюверже, политическая наука не может претендовать на большее, чем разоблачение обмана и заблуждений.

Таким образом, для успеха в политических исследованиях необходимо не только владение методами познания, но и понимание их возможностей и границ. Ученый не должен создавать априорных моделей, не учитывающих эмпирические факты. Он не должен впадать и в противоположную крайность – просто описывать факты, не пытаясь объяснить их, связать в единую систему. Объект, предмет и методы политологии пока очерчены нечетко, она еще нескоро будет соответствовать критериям научной достоверности, принятым в точных науках, но это не является поводом для пессимизма.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

2.1. Международная система: основные направления системного подхода к анализу международных отношений

«Исходным в системной теории является понятие «система», которое Л. фон Берталанфи определяет как «совокупность элементов, находящихся во взаимодействии друг с другом». «С формальной точки зрения, – пишет французский ученый Ж. Эрман, – система (Sy) предполагает наличие состава ее элементов (C), специфические взаимосвязи между ними, структуру (S) и среду (E)».

Другое понятие – «элементы», т. е. простейшие составные части системы.

Содержание понятия «структура» имеет несколько аспектов, отражающих различные степени сложности системы: а) соотношение элементов системы; б) способ организации элементов в систему; в) совокупность принуждений и ограничений, которые вытекают из существования системы для ее элементов. Иногда тому или иному из этих аспектов, в зависимости от целей исследования, придается самостоятельное значение. Так, Жак Эрман пишет: «Структура системы – это просто синхронное соединение элементов системы; организация системы – это совокупность диахронических принципов образования и видоизменения таких синхронных соединений, принципов, которые обеспечивают самоидентичность структуры во времени».

«Среда» – это то, что влияет на систему и с чем она взаимодействует. Различают два вида среды: внешняя среда (окружение системы, или энвайромент) и внутренняя среда (контекст). Так, внешней средой для системы экономических отношений (ее энвайроментом) является совокупность всех общественных отношений данного общества, общество как целостность. Что же касается внутренней среды экономических отношений (контекста), то она может быть представлена как совокупность специфических условий, характерных для функционирования экономических отношений (например, технологических, социокультурных и иных особенностей производства, присвоения, распределения и обмена товаров). Очевидно, что граница между внешней и внутренней средой, с одной стороны, между системой и средой – с другой, не является непроходимой.

В данной связи особую роль играет понятие «системная граница». Граница определяется путем выявления смежного расположения элементов системы. Элемент системной границы – это такой элемент, который соседствует, по крайней мере, с одним элементом системы и одним элементом среды. Как показывает Ж. Эрман, граница системы оказывается просто группой

пограничных элементов последней. Система любого типа отношений (политических, экономических, культурных, общественных) обладает относительно динамичной, четкой и измеримой границей, которая, однако, может и не принимать никакой особой геометрической формы. Существуют и «прерывающиеся границы, и блуждающие, хотя и четко определимые площади». С этой точки зрения национальное государство может быть представлено как сочетание топологического понятия границы и классического географического понятия территории. «Несмотря на наличие тонкого слоя собственного воздушного пространства, национальное государство есть, прежде всего, отображение в двух измерениях системы социальных потоков, что упрощает общественные отношения и увеличивает объем случайных взаимодействий элементов, находящихся в броуновском движении».

«Функция» системы – это ее реакция на воздействия среды, направленная на сохранение определенного типа отношений между элементами системы, т. е. на сохранение «устойчивости» данной системы.

С понятием «функция» тесно связано понятие «процесс». В рамках системного подхода процесс – это «взаимодействия между элементами, особенно прочные и периодически повторяющиеся модели таких взаимодействий». Используя понятие «процесс», [исследователь] рассматривает, как в действительности элементы взаимодействуют друг с другом в ограниченных рамках структуры и своих способностей к взаимодействию, и особенно уделяет внимание прочным и периодически повторяющимся моделям динамики взаимодействия».

Еще одно важное понятие системного подхода – понятие «подсистема». В качестве подсистемы может выступать любой элемент системы, представляющий собой, в свою очередь, совокупность взаимодействующих элементов (т. е. систему, а поскольку она существует в рамках более общей системы, то ее называют подсистемой). В этом случае внешней средой для подсистемы выступает более общая система. Так, «исследуя развитие сложных систем, как, например, общество, организм, научная и философская доктрина, космическое тело, необходимо постоянно иметь в виду внутренние процессы подбора их элементов, а если удается разложить элементы дальше, на элементы второго порядка, то и этих в их еще более узкой среде, и т.д., насколько позволит достигнутый уровень приемов анализа»[1].

«Моментом появления системного подхода можно считать публикацию в 1912 г. первого издания работы А.А. Богданова «Тектология». Однако данная работа не получила широкого распространения в научном сообществе.

[1] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 168-170.

Вследствие этого в качестве создателя системного подхода чаще всего называют австро-американского философа и биолога Людвига фон Берталанфи, автора первого варианта общей теории систем (ОТС), основные положения которой были впервые сформулированы в 40-х гг. XX в.

Изначально Л. фон Берталанфи использовал термин «allgemeine Systemlehre», который в переводе на русский язык звучит как «всеобщее учение о системе», название «общая теория систем» было сформулировано несколько позже. В одной из своих работ «An Outline of General System Theory» («К всеобщему учению о системе») Л. фон Берталанфи сформулировал известное определение системы как комплекса взаимодействующих элементов. Это определение используется в научном сообществе до настоящего времени, его можно считать одним из первых определений системы, используемых в контексте системного подхода.

В это же время была основана «кибернетика» – наука об управлении системами. Основателем кибернетики был Н. Винер, выпустивший в 1948 г. свою знаменитую книгу «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине». Основной тезис книги заключается в гипотезе о подобии процессов управления и связи в машинах, живых организмах и обществах, будь то общества животных или человеческие. При этом большое значение придается рассмотрению и анализу явления, получившего название «обратная связь». Основные положения кибернетики легли в основу нового понимания системного подхода.

Таким образом, в 40-х гг. XX в. было образовано два крупных направления системного подхода – ОТС Л. фон Берталанфи и кибернетика Н. Винера, достижения и результаты которых были использованы при разработке и развитии системного подхода в политической науке. Именно из общей теории систем Л. фон Берталанфи и кибернетики Н. Винера был заимствован понятийный аппарат и основные принципы системного подхода применительно к исследованию политических объектов, в частности политических систем. Данное обстоятельство впоследствии определило содержание и развитие системного подхода в политической науке.

Системный подход пришел в политологию практически сразу после его оформления в рамках отдельного метода исследования, имеющего различные направления. Известно, что впервые к изучению сферы политики системный подход был применен Т. Парсонсом в работе «О социальных системах», которая вышла в 1951 г. Через два года выходит работа Д. Истона «The Political System: An Inquiry into the State of Political Science» и в апреле 1957 г. публикуется статья «An Approach to the Analysis of Political Systems», где впервые описывается его известная концепция представления политической

системы общества в виде «черного ящика» с входами, выходами и обратной связью. Далее традиции применения системного подхода в политических исследованиях продолжил Г. Алмонд в работе «A Developmental Approach to Political Systems». Были и другие исследователи, применявшие системный подход к изучению политических явлений и процессов.

Т. Парсонс впервые также применил системный подход к исследованию социальной системы. При этом особое внимание он уделил характеристике связей в изучаемых им системах, раскрыв их через понятия взаимодействия, взаимодополнительности, взаимопроникновения. Его работы позволили более точно определить место и роль политики в жизни общества, раскрыв новые области системных политических исследований. Т. Парсонс был в первую очередь социологом, а не политологом, поэтому его изначально интересовала именно социальная система, которая и является главным объектом его внимания.

Основной задачей теории Т. Парсонса является объяснение и описание механизмов корректировки поведения человека в той или иной ситуации. По мнению Т. Парсонса, правильно социально ориентированный человек всегда работает на поддержание системы, поэтому первая необходимость, которую испытывает общество по отношению к личности члена данного общества – это мотивация его участия, включая сюда также и его согласие с требованиями нормативного порядка данного общества.

Системный аспект теории Т. Парсонса заключается в том, что для объяснения механизмов воздействия социальной системы на поведение человека он выделяет три абстрактные конструкции (социальное действие, социальная система и социетарная общность), которые рассматриваются им как взаимосвязанные системы разного уровня. Общество в его теории отожествляется с социальной системой, которая состоит не из индивидов, а из взаимоотношений и ролей.

Таким образом, Т. Парсонс, следуя принципам системного исследования, рассмотрел не только социальную систему как систему, но и показал, какую роль она играет в надсистеме социального действия, а также исследовал ядро, главную подсистему социальной системы – социетарное общество в качестве самостоятельной системы, тем самым изучив объект своего исследования на различных системных уровнях.

Помимо этого необходимо отметить, что в период создания Т. Парсонсом своей теории категориальный аппарат системных исследований не был до конца сформирован, в том числе не было ясности с понятием «система».

В своем труде «О социальных системах» Т. Парсонс в самом элементарном смысле понимает социальную систему как множество

индивидов, взаимодействующих друг другом в определенной физической среде, где их отношение к ситуации и друг другу определяются и опосредуются системой общепринятых символов (элементами культуры)»[2].

2.2. Типы и структуры международных систем

«Разные подходы к системному изучению международных отношений обусловливают различия в типологиях международных систем. В зависимости от пространственно-географических характеристик выделяют, например, общепланетарную международную систему и ее региональные подсистемы-компоненты (элементами последних выступают субрегиональные подсистемы).

Ф. Брайар и М. Р. Джалили считают, что существование планетарной (глобальной) международной системы накладывает свой отпечаток на всю международную жизнь, и это стало бесспорной политической реальностью уже в начале противоборства СССР и США и приобрело новые черты с появлением новых самостоятельных международных акторов (бывших колониальных государств) на политической карте мира. В результате планетарная международная система до начала 1990-х гг. характеризовалась наличием двух главных конфликтных линий («осей»), разделяющих, с одной стороны, Запад и Восток (идеологическое, политическое, военно-стратегическое противоборство), а с другой – Север и Юг (т. е. экономически отсталые и экономически развитые страны). Вслед за О. Янгом Ф. Брайар и М. Р. Джалили считают, что, несмотря на целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее (иначе говоря, осуществляется автономно). Таково следствие существования региональных подсистем – «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность». Ф. Брайар и М. Р. Джалили стремятся выявить и описать факторы, влияющие на формирование особенностей, не вписывающихся в планетарную систему взаимодействий в европейской, панамериканской, африканской, азиатских (южно-азиатской, ЮВА, ближневосточной), карибской и, отчасти, западноевропейской субрегиональных подсистемах.

Региональные (а также групповые и двусторонние) аспекты взаимодействий государств авторы книги «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» рассматривают как структурные уровни межгосударственной системы, что не позволяет свести общую систему международных отношений только лишь к

[2] Головенкин Е. Н. Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической теории / Е. Н. Головенкин // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – № 1. – С. 48-57. – С. 48-50.

межгосударственной системе. Основным недостатком регионального подхода остается отсутствие четких критериев для выделения того или иного региона как объекта изучения. Этот недостаток может иметь негативные последствия для понимания происходящих в этих регионах международно-политических процессов.

В качестве самостоятельной функциональной системы в литературе нередко рассматриваются такие виды международных (межгосударственных) отношений, как экономическая, политическая, военно-стратегическая и т. п. системы ...

Объектом исследований выступают также стабильные и нестабильные (революционные, по определению С. Хоффманна), конфликтные и кооперативные, открытые и закрытые и т. п. международные системы. Например, открытая система – это реальное образование, сохраняющее свои границы (т. е. свое отличие от среды) с помощью гомеостатического механизма сопротивления изменениям. Некоторые исследователи под открытой понимают «расплывчатую» систему, т. е. такую, которая не имеет четких геометрических границ типа линий или площадей (например, сеть средств массовой информации, политическое объединение, атом водорода).

Закрытая система – это абстракция, так как под ней подразумевается отсутствие контактов данной совокупности элементов с окружающей средой, что лишает смысла само существование закрытой системы, ибо постоянное взаимодействие со средой – его непременное условие.

Близка закрытой системе существующая в реальной действительности автономная система, отличия которой в том, что её структура-организация предполагает сохранение индивидуальности, не прерывая в то же время контактов и обменов с окружающей средой (сводя их до минимума при необходимости сохранения индивидуальности).

Особый случай – хаотичная система – высоко чувствительная к малейшим изменениям параметров система. Ее эволюция может зависеть от самых незначительных изменений условий. В результате причинно-следственная связь носит преимущественно случайный характер.

Британский ученый М. Николсон в качестве критериев типологии некоторых видов систем выделяет случайность и детерминированность, с тем чтобы подчеркнуть специфику социальных (в том числе и международных) систем. С этой точки зрения, полностью случайная система – это система, в которой исключена возможность влияния какого-либо элемента на ее функционирование, т. е. она абсолютно непредсказуема. Напротив, прогнозирование поведения полностью детерминированной системы не представляет затруднений, достаточно выявить причинно-следственные связи

ее функционирования, а их симметричность и повторяемость защитит от каких-либо серьезных ошибок. Однако, если случайная (точнее говоря, неполностью, или отчасти, случайная) система имеет вполне определенное отношение к международной политике, то в отношении детерминированной системы, это, чаще всего, исключено. (В чистом виде детерминированные системы редко встречаются и в неживой природе: одно из немногих исключений составляет движение планет Солнечной системы.) К третьей разновидности относится так называемая структурированная система. Ей свойственна высокая степень предсказуемости, поскольку ее недавнее прошлое и современное состояния дают возможность делать достоверные выводы о ее будущем. Но в определенные моменты такая система может претерпевать серьезные трансформации под влиянием незначительных изменений в условиях ее существования. Однако поскольку моменты (точки) неопределенности немногочисленны, то можно говорить о высокой степени предсказуемости структурированной системы. Такая система создает для политического участника идеальную ситуацию: точки нестабильности становятся теми моментами, когда возможно вмешательство в функционирование системы. Именно в такие моменты некое политическое действие может реально изменить ход событий. ... С увеличением числа точек нестабильности в системе, естественно, растут и возможности вмешательства участника в ее функционирование. Однако, если таких точек становится слишком много, вмешательство становится бесполезным, поскольку его последствия, проходя через точки нестабильности, станут более зависимыми, даже от минимальных изменений в системе. Как считает М. Николсон, социальные системы следует рассматривать как локально структурированные: «Во всяком случае мы стремимся исходить из того, что количество действующих переменных невелико, обеспечивается определенный уровень краткосрочной предсказуемости и частота точек нестабильности, связанных с совершением решающего выбора, является умеренной»[3].

«После Второй мировой войны проблемы становления и функционирования Венской системы попали в поле зрения американских историков и политологов. До этого они оставались в тени исследовательского внимания, что, как представляется, во многом соответствовало внешнеполитическому курсу США и идейным представлениям американских лидеров. Так, характерный эпизод из истории Парижской мирной конференции 1919 г. приводит Ч. Уэбстер. В ходе одного из заседаний Совета десяти премьер-министр Новой Зеландии позволил себе заговорить о Венском

[3] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 178-181.

конгрессе, однако его тут же осадил президент Вильсон. Американский лидер выразил пожелание, чтобы «даже посредством упоминаний дух Венского конгресса не был привнесен» в работу конференции. Изоляционистская политика последующих американских администраций также не способствовала вниманию к этой теме. Однако ситуация радикально изменилась в результате Второй мировой войны. На смену изоляционизму в качестве внешнеполитической доктрины пришел глобализм, а идеализм Вильсона уступил место политическому реализму.

В 1957 г. была опубликована книга Г. Киссинджера «Восстановленный мир: Меттерних, Каслри и проблемы мира, 1812-1822». «Европейский концерт» не является предметом исследования автора; в центре его внимания – искусство государственных деятелей в деле создания и поддержания стабильного международного порядка. Монография Киссинджера повествует о том, как благодаря усилиям глав британской и в еще большей степени австрийской дипломатии в Вене был сконструирован такой порядок. В его основе – баланс сил и легитимность, понимаемая как «согласие в отношении природы действующих в системе установлений, а также допустимых целей и средств внешней политики». В отличие от характерного для британской историографии противопоставления подходов к «европейскому концерту» Каслри и Меттерниха, Киссинджер трактует их как взаимодополняющие, а их сочетание – как условие стабильности системы. Сложившийся порядок, с точки зрения американского исследователя, был направлен на сдерживание потенциально экспансионистского участника, каковым в его работе предстает Россия. Лишь изредка упоминаемый в книге «концерт», таким образом, становится воплощением легитимности, а также инструментом ограничения амбиций России.

Как справедливо отметил в рецензии на работу Киссинджера американский политолог К. Райт, она – «в меньшей степени история победы Европы над Наполеоном и последующего восстановления, чем интерпретация этой истории в универсалистских категориях». Для рецензента очевидны параллели между Россией эпохи Александра I и Сталина, наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, Францией времен Талейрана и Германией периода канцлерства Аденауэра, Великобританией, чья внешняя политика направлялась Каслри, и США времен Ф. Д. Рузвельта, Австрией Меттерниха и Великобританией Черчилля.

Как представляется, более глубокое осмысление системы XIX в. было дано в трудах американского историка П. Шредера, которые интересны постановкой проблемы трансформации системы международных отношений и авторским взглядом на специфику европейской политики XIX в. В качестве

сущностных характеристик любой системы международных отношений Шредер называет не только количество великих держав, распределение мощи между ними, характер противоречий, но и специфику внешнеполитического поведения государств на международной арене, принятые нормы и практики международного взаимодействия и ведения дипломатии. Изменения в этой области Шредер считает важнейшим аспектом трансформации, произошедшей в Европе в ходе войн французской революции и наполеоновских войн. Они проявились в возникновении феномена «европейского концерта» – «комплекса практик и договоренностей, посредством которых пять великих держав сотрудничали в целях урегулирования опасных европейских проблем и предотвращения столкновений между собой».

Характерной чертой работ Шредера является то, что он смотрит на «европейский концерт» скорее из Вены, чем из Лондона. Это отчасти сближает его с Киссинджером (хотя Шредер далек от характерной для Киссинджера идеализации Меттерниха) и в то же время отличает от большинства британских историков, на фоне которых его взгляды выглядят более консервативными.

Так, в опубликованной в 1972 г. монографии «Австрия, Великобритания и Крымская война: уничтожение европейского концерта» в сложившейся историографической традиции противопоставляются «две дипломатические системы и модели поведения» – австрийская и британская. Политика и Вены, и Лондона в преддверии Крымской войны и в ее ходе носила антирусский характер. Однако различие, согласно Шредеру, заключалось в том, что «Австрия стремилась предотвратить войну и сдержать Россию в рамках установленного концерта, принудить ее взаимодействовать с Турцией посредством этого концерта, таким образом сохранив действующие договоры и границы Европы», а «вигско-пальмерстоновская тактика конфронтации ... стремилась вынудить Россию отступить перед лицом превосходящей коалиции и создать новую ведомую Западом Лигу государств в Европе ...». Великобритания, в отличие от Австрии, добивалась односторонних выгод: своей победы и поражения России. В конечном итоге, по мнению Шредера, именно британская политика в наибольшей степени ответственна за начало войны и подрыв «европейского концерта», что в свою очередь открыло дорогу череде европейских конфликтов в 1860-е-начале 1870-х гг. Это контрастирует с трактовкой Крымской войны Хинсли, утверждавшего, что она велась за «дело концерта», расширение сферы его действия на Ближний Восток в противовес односторонней политике России.

Показательно и еще одно сравнение – оценок Шредером и Темперли отношения Дж. Каннинга к «европейскому концерту». Для Темперли Каннинг, разваливавший «европейский концерт», – прогрессивный государственный

деятель, боровшийся против реакционной «системы Меттерниха». Шредер же называет разрыв Каннинга с «системой Конгрессов» – возвращением к политике XVIII в. с его неограниченной конкуренцией государств на международной арене. Вряд ли такое определение в полной мере правомерно – политика Каннинга, а впоследствии и Пальмерстона, была скорее не шагом назад, а шагом вперед – к эпохе конкуренции национальных промышленных держав. Однако мысль, которую пытается донести Шредер, ясна. Для него критерием прогресса является многосторонняя дипломатия, а регрессом – односторонняя политика»[4].

2.3. Государства как основные участники международных отношений и мировой политики

«... одной из решающих в понимании происхождения и сущности государства является категория «национально-государственный суверенитет». Она имеет два основных аспекта – внутренний и внешний. Речь идет, с одной стороны, о свободе государства избирать свой путь экономического развития, политического режима, гражданского и уголовного законодательства и т. п. А с другой – о невмешательстве государств во внутренние дела друг друга, об их равенстве и независимости. Однако принцип суверенитета национальных государств приводит к неоднозначным последствиям в международных отношениях.

Во-первых, каждое государство вынуждено так или иначе сочетать в своей внешней политике достаточно противоречивые функции. По определению одного из основателей современной американской политической науки А. Уолферса, каждое государство может стремиться к национальной экспансии (self-extension) в самом широком смысле этого термина, включающем увеличение территорий, влияния, ресурсов, союзников и т. п. Оно может быть озабочено защитой (сохранением) своего пространства и своего национального интереса (self-preservation). Наконец, оно может отказываться от тех или иных непосредственных выгод в пользу укрепления мира и солидарности в межгосударственных отношениях (self-abnegation).

Во-вторых, каждое государство стремится к обеспечению собственной безопасности. Однако это стремление ввиду того, что оно свойственно всем суверенным государствам-нациям в условиях «плюрализма суверенитетов», порождает одну из самых сложных и животрепещущих проблем международных отношений – так называемую дилемму безопасности. Она

[4] Романова Е. В. Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии / Е. В. Романова // Вестник МГИМО. – 2016. – № 1 (46). – С. 7-17. – С. 10-11.

состоит в том, что увеличение безопасности одного из государств может рассматриваться как небезопасность для другого и вызывать с его стороны соответствующие реакции – от гонки вооружений до «превентивной войны».

Наконец, в-третьих, если все государства-нации равны, то, как остроумно замечают Б. Рассет и Х. Старр, «некоторые из них равны больше, чем другие». Действительно, формально-юридическое равенство государств с точки зрения международного права не может отменить того обстоятельства, что они различаются по своей территории, населению, природным ресурсам, экономическому потенциалу, социальной стабильности, политическому авторитету, вооружениям, наконец, по своему возрасту. Эти различия резюмируются в неравенстве государств с точки зрения их национальной мощи. Следствием такого неравенства является международная стратификация, с характерной для нее фактической иерархией государств на международной арене.

Исследуя международную стратификацию с позиций исторической социологии, английский ученый Э. Луард приходит к выводу, что на всех этапах своего существования – от Римской империи, где государства-данники зависели от центральной власти, и китайской многогосударственной системы, где власть была неравномерно распределена между большими группами государств, до современности – международные отношения всегда были стратифицированы по тем или иным основаниям. В международных отношениях ... в объяснении этого феномена существуют два основных направления.

Одно из них – «консервативное» – рассматривает стратификацию как следствие функциональной специализации: общество стратифицируется потому, что позиции, которым приписывается большая ценность, обеспечивают тем, кто их занимает, власть, привилегии или престиж. С этой точки зрения интеграция общества и социальный порядок являются продуктами стратификации, и, более того, в степени стабильности общества отражается степень ценностного консенсуса его членов. Представители второго – «радикального» направления – считают, что общественный порядок всегда основан на принуждении, а стратификация общества постоянно сопровождается процессом, при котором власть, привилегии и престиж определенного социального слоя достигаются и поддерживаются благодаря систематической эксплуатации им других слоев. Сформулированная марксистами, такая точка зрения разделяется не только близкими к марксизму, но и сторонниками иных теоретических течений.

Большинство идей, связанных со стратификацией международных отношений, было заимствовано именно из радикального направления. В рамках

науки о международных отношениях литература по вопросу о стратификации подразделяется на два течения – «интеракционизм» и «структурализм». Первое рассматривает взаимодействующие государства в качестве автономных элементов стратифицированной системы международных отношений, положением в которой и объясняется их поведение ... Второе исходит из того, что в XX в. государства уже не являются автономными, а играют разную роль в общемировой капиталистической системе, причем эта роль зависит от того, какое место они занимают в данной системе – центральное или периферийное ... Таким образом, если для интеракционистов государство как международный актор представляет главный предмет анализа, то структуралисты, рассматривающие прежде всего отношения между центром и периферией в мировой системе, чаще всего не принимают его за единицу анализа.

Как уже отмечалось выше, одним из наиболее широко распространенных видов международной (межгосударственной) стратификации считаются неравные возможности государств защитить свой суверенитет, вытекающие из неравенства их национально-государственной мощи. С этой точки зрения различают сверхдержавы, великие державы, средние державы, малые государства и микрогосударства ...

Сверхдержавы выделяются по следующим признакам: а) способность к массовым разрушениям планетарного масштаба, поддерживаемая благодаря обладанию и совершенствованию ядерного оружия; б) способность оказывать влияние на условия существования всего человечества; в) невозможность потерпеть поражение от любого другого государства или их коалиции, если в такую коалицию не входит другая сверхдержава.

В отличие от них, великие державы оказывают существенное влияние на мировое развитие, но не господствуют в международных отношениях. Они нередко стремятся играть мировую роль, однако реальные возможности, которыми они располагают, ограничивают их роль либо определенным регионом, либо отдельной сферой межгосударственных отношений на уровне региона.

Средние державы обладают прочным влиянием в своем ближайшем окружений. Это отличает их от малых государств, влияние которых является слабым. Однако малые государства располагают достаточными средствами для сохранения своей независимости и территориальной целостности. Микрогосударства же в принципе неспособны защитить свой суверенитет собственными силами. Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, какие из государств считать малыми, а какие – микрогосударствами. Большинство склоняется к тому, что критерием в данном случае может выступать количество населения: в одних случаях микрогосударствами

считаются страны, население которых не превышает 1 млн. человек, в других эта цифра доходит до 2 млн. ЮНИТАР использовал в этом случае более сложный критерий определения величины, мощи и статуса государств, включающий анализ величин их площади, населения и ВВП. Б. Рассет и Х. Старр предложили учитывать также военный потенциал, продолжительность жизни населения, процент детской смертности, количество врачей и койкомест в медицинских учреждениях на душу населения, его расовый состав, долю городских и сельских жителей и т. п. Однако в этом случае появляется риск утраты решающих критериев и, следовательно, риск «утопить» проблему в огромной массе важных, но все же не определяющих признаков»[5].

«Государство в английской школе международных отношений: основные подходы и концепции. Английская школа – это успешная попытка предложить новый подход в изучении системы международных отношений, который хотя и опирается на классические парадигмы, но вместе с тем предлагает иные интерпретации международных отношений, акценты и новый взгляд на них. Неудивительно, что английская школа, которая оказалась довольно гибкой и способной комбинировать разнообразные подходы и взгляды, начала быстро приобретать признание.

Английская школа международных отношений начала свое формирование и развитие в 1959 г. Большую роль в ее становлении сыграл Британский комитет по теории мировой политики и международных отношений, в который входили политологи, историки, философы, теоретики и практики (например, из Форин Офиса, выполняющего роль Министерства иностранных дел в Соединенном Королевстве), что позволило им приступить к выявлению «работающих» подходов и концепций для объяснения международных отношений. Таким образом, к настоящему времени уже можно говорить о том, что английская школа международных отношений имеет свою историю и свое лицо. Среди наиболее маститых представителей школы выделяют Герберта Баттерфилда, Хедли Булла, Адама Уотсона, Мартина Уайта (Herbert Butterfield, Hedley Bull, Adam Watson, Martin Wight). В этом ряду довольно часто также упоминают тех исследователей, идеи которых стали в некотором роде базовыми для английской школы, – это Ч. Мэннинг и Е. Кар (Charles Manning, E. Carr). Первый внес большой вклад в развитие социологического конструктивизма, в том числе в отношении понятия международного общества. Второй полагал (заодно продемонстрировав, что трепетное отношение к моральным аспектам важно для английской школы), что понятие морали и апеллирование к международному сообществу являются

[5] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 234-237.

уловками, так как в действительности все акторы оперируют национальными интересами и скрывают их под идеей общего блага.

С течением времени английская школа завоевывала все новых и новых приверженцев и сторонников, став международной, хотя, безусловно, представители британских институтов по-прежнему играют значимую роль в распространении ее идей (прежде всего Лондонская школа экономики). Важно, что продолжающийся научный диалог все еще оказывает огромное влияние на деятельность школы. Соответственно, несмотря на название «английская школа», это уже не столько школа, возникшая на Британских островах, и даже уже не только европейская школа, сколько именно международная школа (глобальная по составу участников), так как ее последователи работают в Австралии, Канаде, Норвегии, Китае и других странах. И задачи, которые стоят перед школой, также носят глобальный характер.

Эта школа хорошо известна академическому сообществу прежде всего благодаря концепции «международное общество» и социологическому подходу в выявлении потенциала межгосударственных отношений в различных конфигурациях, включая межгосударственную анархию, при которой важным является обращение именно к взаимодействию сообществ. Так, Б. Бузан говорит, что современные международные отношения – это ситуация анархии, так как их главная характеристика – отсутствие перекрывающего государства единого правительства. Очевидно, что английская школа именно через призму международного сообщества пытается решить проблему акторности. Здесь такие понятия, как «хаос», «порядок» и «баланс», являются определяющими. При этом она опирается на достижения социологии, истории, международного права.

Таким образом, ключевым понятием для английской школы является именно международное (мировое) общество. Государства, как и люди, находятся, живут и развиваются в сообществе. Чтобы быть частью сообщества, государства должны признавать друг друга. Иными словами, необходима институционализация разделяемых интересов и идентичностей, что ставит вопрос о формировании и поддержке норм, правил и институтов международных отношений, которые получают признание всех участников.

Международное общество, как сообщество государств, в отличие от внутригосударственных обществ не имеет правительства и являет себя через более сложные и непрямые механизмы, направленные на формирование международного порядка и кооперации. Эти механизмы помогают осуществлять так называемую межгосударственную социализацию наиболее влиятельными игроками.

Подходы английской школы международных отношений интересны прежде всего обращением к вопросу признания при выявлении статуса великой державы, на который рассчитывает тот или иной актор в рамках международного общества. Поскольку английская школа рассматривает межгосударственное взаимодействие буквально в контексте общественных отношений, ее представители, например Г. Баттерфилд, акцентируют внимание на социальном и материальном измерениях власти. Эти измерения служат индикаторами или критериями, выявляющими степень и характер этого взаимодействия. Социальное измерение предполагает изучение позиций обществ государств и международного общества. Материальное измерение власти здесь – это военная сила, экономика, население, ресурсы, территория. Сюда же включен фактор признания государства членом какого-либо влиятельного международного клуба другими странами. При этом обязательным является согласие актора с незыблемостью правил, и, если какое-либо государство выпадает из системы по той или иной причине, правила международного участия для участников системы не пересматриваются.

Таким образом, социализация государств и их участие в международных отношениях со своей повесткой дня обеспечивается не только самопозиционированием государства на мировой арене, но и представлениями об этом государстве других участников и их включенностью в международные структуры. Взаимные представления друг о друге выстраивают отчетливую зависимость предпринимаемых действий одного государства от возможных реакций и взглядов на них со стороны других государств. Соответственно, при осуществлении международной политики государства нуждаются в получении признания других акторов. Осложняют или облегчают признание ожидания всех участников международных отношений, основанные на культурном багаже, ценностях, интересах и т. п. Признание здесь – это внешнее и внутреннее признание особого статуса, прав и обязанностей того или иного государства другими государствами и даже собственным населением. Признание также позволяет квалифицировать государство как великую державу»[6].

2.4. Международные организации и другие негосударственные игроки в международных отношениях и мировой политике

«Отмеченное увеличение количества МПО и численности их постоянных работников есть одно из свидетельств роста взаимозависимости государств и

[6] Еремина Н. В. Государство и безопасность в контексте английской школы международных отношений / Н. В. Еремина // ПОЛИТЭКС. – 2016. – № 3. – С. 83-95. – С. 84-86.

их многостороннего сотрудничества на постоянной основе. Более того, будучи созданы, подобные организации приобретают определенную автономию по отношению к государствам-учредителям и становятся отчасти неподконтрольными им. Это дает им возможность оказывать постоянное влияние на поведение государств в различных сферах их взаимодействия и в этом смысле играть роль наднационального института.

Однако здесь необходимо сделать одно важное уточнение. Наднациональные институты в подлинном значении этого термина, т. е. такие, чьи решения являются обязательными для всех государств-членов, даже если они с ними не согласны, в международных отношениях являются редким исключением. Подобные институты существуют сегодня только в рамках Европейского сообщества. Комиссия, Совет министров и Суд этой организации обладают правом принимать обязательные для исполнения всеми государствами-членами решения в экономической, социальной и даже политической областях на основе принципа квалифицированного большинства. Тем самым происходит изменение взглядов на священный для международного права принцип государственного суверенитета, а органы ЕС все больше напоминают органы конфедерации, являясь выражением растущей интеграции современного мира.

Существуют различные типологии МПО. И хотя, по признанию многих ученых, ни одна из них не может считаться безупречной, они все же помогают систематизировать знание об этом относительно новом влиятельном международном акторе. Наиболее распространенной является классификация МПО по «геополитическому» критерию и в соответствии со сферой и направленностью их деятельности. В первом случае выделяют такие типы межправительственных организаций, как универсальный (например, ООН или Лига Наций); межрегиональный (например, Организация Исламская конференция); региональный (например, Латиноамериканская экономическая система); субрегиональный (например, Бенилюкс). В соответствии со вторым критерием различают общецелевые (ООН); экономические (ЕАСТ); военно-политические (НАТО); финансовые (МВФ, Всемирный банк); научные («Эврика»); технические (Международный союз телекоммуникаций); или еще более узко специализированные МПО (Международное Бюро мер и весов).

В то же время указанные критерии носят достаточно условный характер. Во-первых, их нельзя противопоставлять, так как многие организации могут отвечать одновременно обоим критериям: например, являться и узкоспециализированными, и субрегиональными (Организация стран Восточной Африки по контролю за пустынной саранчой). Во-вторых, проводимая на их основе классификация достаточно относительна: так, даже

технические МПО могут брать на себя и экономические, и даже политические функции; тем более это относится к таким организациям как, скажем, Всемирный банк или ГАТТ, которые ставят своей задачей создание условий для функционирования в государствах-членах либеральных рыночных отношений, что, конечно, является политической целью. В-третьих, не следует преувеличивать не только функциональную, но и тем более политическую автономию МПО. Так, например, в ст. 100 Устава ООН говорится: «1. При исполнении своих обязанностей Генеральный Секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организаций.

2. Каждый Член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального Секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей». Однако на деле господствующее влияние на ориентацию деятельности ООН и ее институтов имеют США и их союзники. Этому способствует действующий в указанных институтах принцип уравновешивающего голосования при принятии решений, в соответствии с которым наибольшими возможностями располагают государства, оказывающие этим институтам наибольшую финансовую поддержку. Благодаря этому США располагают около 20 % голосов в МВФ и Всемирном банке. Все это ставит проблему эффективности МПО и особенно такой, наиболее крупной и универсальной из них по своим задачам, как ООН.

Созданная в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами, способствуя обмену мнениями и улучшению взаимопонимания между ними, ООН в условиях холодной войны нередко служила местом ожесточенных пропагандистских схваток, выступала как сугубо политизированное учреждение, демонстрировала несоответствие конкретных результатов требованиям современности, неспособность обеспечить решение возложенных на нее задач»[7].

«МНПО различаются по своим размерам, структуре, направленности деятельности и ее задачам. Однако все они имеют те общие черты, которые отличают их как от государств, так и от межправительственных организаций. В отличие от первых, они не могут быть представлены как акторы, действующие,

[7] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 240-241.

говоря словами Г. Моргентау, во имя «интереса, выраженного в терминах власти». В отличие от вторых, их учредителями являются не государства, а профессиональные, религиозные или частные организации, учреждения, институты и, кроме того, принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств юридической силы. И все же им все чаще удается добиваться выполнения тех задач, которые они ставят перед собой, – и не только в профессиональной, но и в политической области. Это касается и таких задач, которые требуют серьезных уступок со стороны государств, вынужденных в ряде случаев поступаться «священным принципом» национального суверенитета. Так, в последние годы некоторым МНПО – в частности тем, сферой деятельности которых являются защита прав человека, экологические проблемы, или гуманитарная помощь, – удалось добиться «права на вмешательство во внутренние дела суверенных государств» ...

Основным «оружием» МНПО в сфере международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей – оказание давления на межправительственные организации (прежде всего на ООН) и непосредственно на те или иные государства. Именно так действуют, например, Гринпис, Международная амнистия, Международная федерация по правам человека или Всемирная организация борьбы против пыток (последняя показательна и в том отношении, что объединяет усилия более 150 национальных организаций, целью которых является борьба против применения пыток). Поэтому МНПО подобного рода нередко называют «международными группами давления». Как известно, в политической социологии термин «группы давления» фиксирует отличие общественных организаций от политических партий: если партии стремятся к достижению и исполнению властных функций в обществе, то группы давления ограничиваются стремлением, с целью защиты своих интересов, оказывать влияние на власть, оставаясь вне властных структур и институтов (например, профсоюзы, предпринимательские объединения, женские организации и т. п.). Аналогичный характер имеют и МНПО – как с точки зрения отношения к «власти» и методов действия, так и эффективности в достижении выдвигаемых целей.

Возможно, что не все МНПО играют роль международных групп давления (определенные сомнения в этой связи могут иметься относительно организаций, обладающих консультативным статусом при ЭКОСОС ООН и ее институтах). Однако их совокупное воздействие зримо меняет сам характер международных отношений, делают их существенно отличными от характера традиционных межгосударственных отношений, эпоха которых уходит в прошлое.

Немалое влияние на существо и направленность изменений в характере международных взаимодействий оказывают такие специфические неправительственные организации, как транснациональные корпорации (ТНК), которые «подтачивают» национальный суверенитет государств в такой важной сфере общественных отношений, как экономика. Речь идет о предприятиях, учреждениях и организациях, целью которых (в отличие от МНПО, охарактеризованных выше) является получение прибыли и которые действуют через свои филиалы одновременно в нескольких государствах, в то время как центр управления и решений той или иной ТНК находится в одном из них»[8].

«В современной международной системе можно выделить ряд характерных черт: глобализация, многополярность, рост негосударственных акторов. Среди негосударственных акторов наиболее важную роль играют международные организации. Проблема взаимодействия государств и международных организаций в мировой политике продолжает оставаться одной из важнейших как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения практических задач, связанных с реализацией национальных интересов стран в меняющейся системе международных отношений, а также интересов мирового сообщества в целом.

В силу разнообразия международных организаций очень сложно дать определение этому явлению. В связи с этим П. А. Цыганков предлагает идентифицировать понятие «международная организация» через классификацию. Выделяют три базовых критерия классификации международных организаций: характер членства, географическое измерение, функциональное измерение. В соответствии с характером членства выделяют международные межправительственные организации (МПО) и международные неправительственные организации (МНПО). Первые создаются посредством заключения договоров между государствами (ООН, НАТО), вторые состоят из отдельных лиц или общественных групп (Международный комитет Красного Креста, Всемирный союз баптистов). Если в 1990-х гг. в мире насчитывалось около 300 МПО, то в первом десятилетии XXI в. их число возросло до 500. Наиболее полный и авторитетный источник информации по международным организациям «Ежегодник международных организаций» насчитывает более 10 000 МНПО, т. е. их число в два раза больше, чем МПО.

По географическому критерию международные организации разделяют на глобальные и региональные. Подавляющее большинство МПО носят региональный характер, и лишь около четверти всех МПО можно рассматривать как глобальные, члены которых представляют все регионы мира.

[8] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 244-245.

Аналогичная ситуация отмечается и среди неправительственных международных организаций: примерно четверть из них – глобальные, остальные являются региональными.

В соответствии с функциональным измерением международные организации подразделяются на организации с общей компетенцией (многофункциональные) и организации со специальной компетенцией (ограниченным целевым назначением). Среди международных организаций (как МПО, так и МНПО) намного больше организаций специальной компетенции, чем общей. К многофункциональным организациям, прежде всего, относится ООН. Большинство межправительственных организаций имеет экономические (Всемирный банк), военные (НАТО), социальные и культурные (ЮНЕСКО) функции. Наибольшее число МНПО действует в сферах торговли, промышленного производства и гуманитарной (к которой можно отнести и охрану здоровья, и борьбу с экологическими проблемами, и соблюдение прав человека).

Влияние МНПО на международные процессы в основном косвенное, оно осуществляется посредством воздействия на общественное мнение, которое в свою очередь может оказывать давление на государство при принятии им внешнеполитических решений. Однако данный механизм влияния МНПО весьма слабый, поскольку принятие внешнеполитических решений является многофакторным процессом, и давление общественного мнения, как правило, – не самый существенный из них. Но существует и другой – более значимый – способ влияния международных неправительственных организаций на мировую политику: через сотрудничество с международными межправительственными организациями. Так, статья 71 Устава ООН уполномочивает Экономический и социальный совет ООН, координирующий экономическую и социальную деятельность ООН и ее специализированных агентств (ЭКОСОС), «проводить надлежащие мероприятия для консультации с неправительственными организациями, заинтересованными в вопросах, входящих в его компетенцию».

Рассмотрим деятельность международных неправительственных организаций в сфере прав человека и их влияние на современные международные отношения. «Права человека – это права, которыми обладает каждый человек без исключения в силу своего человеческого достоинства. Права человека – это сумма индивидуальных и коллективных прав, изложенных в конституциях государств и в международном праве». Со второй половины XX в. наметилась явная тенденция к универсализации прав человека. Всеобщая декларация прав человека была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. в Париже. В Преамбуле данного

документа Генеральная Ассамблея провозглашает Декларацию в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства, чтобы содействовать уважению прав и свобод и обеспечению их признания и осуществления. Согласно Всеобщей декларации прав человека, права человека представлены во всех сферах жизни: гражданские, политические, экономические, социальные, культурные права; а также коллективные.

Основные международные договоры по правам человека обсуждаются и принимаются в рамках Комиссии ООН по правам человека. К этим договорам относятся следующие: международный пакт об экономических, социальных и культурных правах; международный пакт о гражданских и политических правах и факультативные протоколы к нему; международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации; конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и др.

В соответствии с названными международными договорами были созданы контрольные органы по наблюдению за выполнением государствами взятых на себя обязательств. В настоящее время к таким контрольным органам относятся: комитет по ликвидации расовой дискриминации; комитет по экономическим, социальным и культурным правам; комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин; комитет против пыток; комитет по правам ребенка; комитет по защите прав всех трудящихся – мигрантов и членов их семей; комитет по насильственным исчезновениям; комитет по правам инвалидов. Существует также три уставных органа: Совет по правам человека, Универсальный периодический обзор, Специальные процедуры Совета по правам человека»[9].

2.5. Динамика структуры современной международной системы (полярность, возвышение новых центров силы, страны БРИКС, относительное ослабление США, место России)

«Вестфальский мир следует трактовать как практическое приближение к реальности, он вовсе не демонстрирует какого бы то ни было уникального нравственного осознания. Этот мир опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции

[9] Антонцева В. А. Международные организации как акторы современных международных отношений / В. А. Антонцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 7-1. – С. 87-90. – С. 87-88.

прочих с принципом общего равновесия власти. Никакое единоличное притязание на обладание истиной, никакое универсальное правило не сумели воцариться в Европе. Вместо этого каждое государство обзавелось суверенной властью над своей территорией. Каждое соглашалось признавать внутренние структуры и религиозные убеждения соседей как жизненные реалии и воздерживалось от оспаривания их статуса. Подобный баланс сил отныне рассматривался как естественный и желательный, а потому амбиции правителей выступали противовесом друг другу, по крайней мере, в теории ограничивая масштабы конфликтов. Разделенность и многообразие (во многом случайно сложившиеся в развитии европейской истории) стали отличительными признаками новой системы международного порядка – с собственным мировоззрением, собственной философией. В этом смысле усилия европейцев по тушению их «мирового» пожара способствовали формированию и послужили прототипом современного подхода, когда от вынесения абсолютных суждений отрекаются в пользу практичности и экуменизма; это попытка выстроить порядок на разнообразии и сдерживании»[10].

«Для Америки любое применение принципов «Realpolitik» необходимо сочетать с учетом первозданных ценностей первого в истории общества, специально созданного во имя свободы. И все же выживание и прогресс Америки будут также зависеть от ее способности делать выбор, отражающий современную ей реальность. Иначе внешняя политика превратится в самодовольное произнесение прописных истин. Относительный вес каждого из этих компонентов и цена, связанная с каждым из этих приоритетов, определяются и характером вызова, и масштабностью политических лидеров. Но чего ни один лидер не имеет права делать, так это заявлять, будто выбор не имеет цены или равновесие не нужно поддерживать.

Двигаясь по пути к мировому порядку в третий раз за современную эпоху, американский идеализм сохраняет столь же важное значение, как и всегда, а может быть, обретает значительно большее. Но в условиях нового мирового порядка его роль сведется к тому, чтобы обеспечивать веру, позволяющую Америке пройти через все сомнения выбора в несовершенном мире. Традиционный американский идеализм должен сочетаться с вдумчивой оценкой современных реалий, чтобы выработалось применимое на практике определение американских интересов. В прошлом усилия в области американской внешней политики вдохновлялись утопическими представлениями о некоем конечном пункте, по достижении которого

[10] Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссиджер; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова // Геополитика. – М.: АСТ, 2018. – 512 с. – С. 12–13.

изначальная мировая гармония будет просто воспроизводиться и самоутверждаться.

Но ныне такого рода финалы малоперспективны; воплощение американских идеалов будет идти путем терпеливого накопления частных успехов»[11].

«Бжезинский не ограничивается анализом отдельных государств. В центре его внимания оказывается, по его выражению, всеобщее достояние, то есть те области планеты, которые принадлежат всему миру. Их автор делит на основные группы – стратегические и экологические. «Стратегическое достояние включает морское и воздушное пространство, космос и киберпространство, а также ядерную сферу, поскольку она связана с контролем над распространением ядерного оружия. В экологическую подгруппу входят геополитические последствия управления водными ресурсами, Арктика, глобальные климатические изменения». И здесь тоже, по твердому убеждению Бжезинского, без ведущей роли США не обойтись. Вместе с тем он считает, что без привлечения Китая, России, Индии невозможно решить проблемы всеобщего достояния. Поэтому предлагает разработать некий глобальный консенсус, чтобы все несли одинаковую ответственность, ведь каждому государству в условиях глобализации выгодно мирное решение всех вопросов. Вместе с тем, считает автор, нельзя ослаблять лидирующее положение США и в этой области, так как это может привести к глобальной катастрофе.

Американский политолог считает, что после 2025 г. появится новое геополитическое равновесие. Прежде всего автор анализирует евразийские геополитические пространства, ситуацию в Иране, Индии, Китае и т. д. По его утверждению, глубокие трансформации восточных обществ, особенно Китая и Индии, угрожают глобальной стабильности мира. Но эту угрозу может остановить Америка, если она по-прежнему будет играть доминирующую роль в мире. Одним словом, Бжезинский ратует за то, чтобы Соединенные Штаты в обозримом будущем оставались ведущей державой и выступали в роли «старшего брата», следящего за порядками в мире. Иначе говоря, США выступали и будут выступать в роли главного миротворца»[12].

«... цивилизационная модель и представления о глобализации, понимаемые в стиле Ф. Фукуямы, который утверждал, что весь мир должен со временем вобрать в себя западные ценности либеральной демократии и стать таким образом глобальным западным миром, несовместимы между собой. Фактически Хантингтон является противником таких идей, утверждая, что эти

[11] Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – 847 с. – С. 763.
[12] Гобозов И. А. Контуры будущего в представлении З. Бжезинского / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 2013. – № 3 (71). – С. 5–28. – С. 13.

и другие западные ценности останутся лишь в пределах одной западной цивилизации.

Однако это не означает, что концепту глобализации нет места в цивилизационной модели Хантингтона, просто она будет пониматься не в смысле гомогенизирующего победного наступления западной цивилизации на другие культуры, после чего их культурная идентичность прекратит свое существование. Глобализация для Хантингтона – это интенсивный диалог между разными, несводимыми друг к другу цивилизациями, который имеет конфликтную форму»[13].

«Глобализационные процессы, определявшие формирование мира в конце XX-XXI в., приводят к новым социально-экономическим и политическим явлениям, обусловливающим современный этап мирового развития, который в научно-исследовательской литературе определяется как постглобализация. Становится актуальным исследование особенностей глобализационных процессов и факторов, приводящих к их трансформации и переходу к социальной организации нового типа. Используя методы компаративного анализа, диалектического подхода, выявляющего противоречивую сущность процессов перехода к постглобализационному устройству общества, в статье проводится анализ факторов, способствующих кризису проекта глобализации. Выделяются и анализируются сущностные черты постглобализационного общества.

С конца 80-х годов XX века термин «глобализация» и связанные с ним исследования выходят на первый план. Глобализация связывается, в первую очередь, с финансовой сферой, которая в рамках новой техногенной фазы постиндустриального общества приобретает характер спекулятивного капитала. Широкое распространение глобальной сети Интернет приводит к формированию экономических и политических структур, не только независимых от национальных государств, но и оказывающих существенное давление на них при отстаивании собственных интересов. Динамика общественной жизни во всех ее сферах становится столь высокой, революционные инновационные изменения происходят настолько часто, что цикл жизни многих компонентов воспроизводства предельно сужается. В начале XX века смена парадигм, меняющих базовые подходы к ведению экономической деятельности, научным исследованиям, образу и стилю жизни, была сопоставима со сменой поколений. В конце столетия динамика технологических инноваций, смены перспективных бизнес-проектов, осуществления научных открытий существенно ускорилась. Сегодня

[13] Комиссаров И. И. Специфические черты цивилизационной модели в политической философии С. Хантингтона / И. И. Комиссаров // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 55–62. – С. 56.

изобретения или новые идеи утрачивают свою значимость и востребованность, если они не реализованы в течение трех-пяти лет. Существенное влияние на данные процессы оказало интенсивное развитие новых средств связи и возникновение глобальной информационной инфраструктуры. Это создало условия для формирования так называемых «финансовых» пузырей, базирующихся на спекулятивном капитале. Новые средства связи обеспечивают возможность практически мгновенных трансакций, что создает условия для шантажа со стороны финансовых спекулянтов и ТНК, их беспрецедентного давления на национальные правительства. В сегодняшней ситуации ярким примером является Греция, которой транснациональными финансовыми структурами диктуются грабительские условия, идущие вразрез национальным интересам. В экономической деятельности сменились ориентации. Если раньше было престижным создавать производственные новинки, вкладывать деньги в промышленность и в конечном итоге удовлетворять потребности населения, то теперь точкой притяжения стали финансовые спекуляции. На смену Г. Форду с его мечтой о недорогом автомобиле для среднего класса и стабильном положении рабочих приходит новое поколение предпринимателей, таких как Дж. Сорос, Д. Трамп, зарабатывающих свой капитал на спекуляциях и готовых ради получения прибыли переступить через все традиционные, культурные и моральные запреты. Формирование и всевластие глобальных финансовых рынков привело к тому, что прежние завоевания профсоюзов, развитые социальные программы, национальные достояния государств были подорваны. В погоне за дешевой рабочей силой транснациональные корпорации начали выводить производство в регионы, где социальные завоевания находились на низком уровне. С помощью дешевых кредитов МВФ удалось поставить в финансовую зависимость многие страны мира, что позволило в дальнейшем диктовать свои условия, направленные на резкое снижение социальной помощи и гарантий со стороны государств. Это, в свою очередь, привело к вымыванию среднего класса и резкому увеличению разрыва между богатством и бедностью. На примере США Дж. Стиглиц показывает, что «к 2007 году ... 0,1 % верхушки американских хозяйств имело доход, в 220 раз превышающий средний доход хозяйств, составляющих 90 %», и это в одной из наиболее экономически благополучных стран. В других же странах данный разрыв принимает еще более широкие масштабы.

Экономическое неравенство привело к усилению и политического неравенства, когда глобальные корпорации США, по образному выражению Г. Дерлугьяна, превратившись в «гигантскую финансовую воронку», после развала СССР стали претендовать на политическое господство в мире.

Глобализационные процессы, приведшие к резкому снижению роли государства, поставили его в прямую зависимость от ТНК. Исследования последних лет говорят о тенденции нарастающего упадка национального государства и утрачивания им своих традиционных функций. Одной из важнейших составляющих, объединяющих государство в единое целое, была национальная идея и национализм как развернутая идеология. Фактически она обосновывала необходимость защиты суверенитета государства и объединяла народ на решение общих значимых проблем. Глобализационные процессы привели к подрыву этой базовой идеи. Неолиберализм, став господствующей идеологией глобализации, исходит из идеи атомарной, экономически эффективной личности, относя идеи патриотизма, национальной гордости и национального достоинства к анахронизмам, недостойным современного человека.

В процессе глобализации были также подорваны основы социального государства или «общества всеобщего благоденствия», которое сложилось в восьмидесятых годах двадцатого века в наиболее развитых странах. Такой тип общества стал возможен благодаря укреплению позиций государственной власти, активному проведению ей социальных программ поддержки населения. В дальнейшем государство теряет эти функции. Крупные корпорации получают возможность диктовать свои условия по снижению социальных гарантий под угрозой вывода капитала, отказа в получении кредитов и т. п. Возможность осуществления производственной деятельности в странах с дешевой рабочей силой резко снижает значимость протестных движений. Боясь потерять работу, люди готовы трудиться на любых условиях. В странах Западной Европы широко распространяется временная работа по найму, не гарантирующая ни отпусков, ни оплаты больничных, ни пособий, ни других социальных гарантий. Все чаще крупные корпорации берут на себя выполнение функций, осуществление которых ранее было в компетенции государства. Широко распространяются коммерческие охранные и даже военные структуры, так называемые частные армии, что, в первую очередь, характерно для США, частные благотворительные фонды, деятельность которых избирательна и политически ангажирована. Культура и система образования также уходят из-под опеки государства, приобретая ярко выраженный коммерческий характер»[14].

[14] Скородумова О. Б. Постглобализация как новая модель формирования многополярного мира / О. Б. Скородумова // Манускрипт. – 2016. – № 4-1 (66). – С. 158-162. – С. 158-159.

2.6. Динамика основных правил и норм в международных отношениях и мировой политике, ценностно-идеологический фактор в мировой политике

«Неолиберальные институционалисты, даже те, кто концентрируется на исследовании транснациональных отношений, не отрицают, что "государства были и остаются наиболее важными акторами в мировых делах". Кроме этого, они принимают посылку о децентрализованности международной системы. Однако подчеркивают, что одновременно международная система является институционализированной. Институционализация мировой политики имеет большое влияние на поведение правительств. "Это означает, – пишет Роберт Кеохейн, – что участники [международных отношений] признают, что их поведение отражает установленные правила, нормы и обычаи, и значение поведения [игроков] интерпретируется в их свете". Таким образом, хотя государства и находятся в центре рассмотрения неолиберальных институционалистов, куда большее значение в их анализе международных отношений играют "международные институты". Под последними понимается "устойчивый и связанный набор правил (формальных и неформальных), которые предписывают поведенческие роли, ограничивают деятельность и формируют ожидания". Международные институты выступают в трех формах: формально установленных межправительственных или транснациональных неправительственных организаций; международных режимов и обычаев. Что касается последних, то они понимаются как неформальные институты, незафиксированные формально правила и принципы взаимопонимания, которые формируют ожидания акторов относительно того, как будут реагировать на их действия иные "игроки". Часто "обычаи" определяются как "спонтанный порядок". Примерами этой формы международных институтов могут служить дипломатический иммунитет, который был "обычаем" на протяжении столетий до того момента, как был кодифицирован формальными международными соглашениями в 1960-е гг. Принцип взаимности во взаимоотношении акторов международных отношений также можно рассматривать как "обычай". Во временном измерении "обычаи" рассматриваются предшествующими установлению режимов и учреждению международных организаций.

Неолиберальные институционалисты подчеркивают, что даже если государства определяют свои интересы "автономно", то международные институты важны, так как оказывают влияние на "побуждения" к действию государств. "Международные институты делают возможными для государств такие действия, которые в другом случае были бы невозможны: например,

обращение в Генеральному секретарю ООН с просьбой посредничества между Ираном и Ираком, или апелляция к режиму нераспространения в оправдание отказа поставок ядерного оборудования Пакистану".

Концепция международных режимов получила самостоятельное звучание в рамках неолиберального институционализма. В начале 1980-х гг. появилось достаточно много исследований в этой области, активизировала дискуссии вокруг этой концепции публикация ряда статей в сборнике "Международные режимы". Режимы определяются как "совокупность подразумеваемых или явно выраженных принципов, норм, правил, процедур принятия решений, вокруг которых в данной сфере международных отношений ожидания акторов сходятся". Нормы определяются учеными как "стандарты поведения, определяемые в терминах прав и обязанностей". "Правила – это специальные предписания действий или их запрещения". "Процедуры принятия решений представляют собой превалирующую практику принятия и исполнения коллективных решений". Наиболее яркими и зримыми примерами международных режимов являются, пожалуй, международная валютная и торговая системы, сложившиеся во второй половине XX в. Неолиберальные институционалисты указывают на то, что период после Второй мировой войны богат на формирование различных режимов, основная часть которых лежит в области мировой политэкономии (одним из немногих исключений является режим нераспространения ядерного оружия)»[15].

«Кризис глобального либерального правопорядка производит социально-экономическое неравенство, подрывающее основы правового государства. В докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о работе организации за 2017 г. отмечается, что мировое сообщество сталкивается с проблемами хронической нищеты и неравенства, уязвимости экономики, безработицы (особенно среди молодежи), а также с проблемами институционального характера (в том числе недостатком в обеспечении верховенства права) и ограниченностью возможностей для деятельности гражданского общества. Несмотря на то, что цели устойчивого развития и идеалы справедливости остаются для мирового сообщества активно декларируемыми ценностями, прогресс в достижении идеалов верховенства права является весьма условным.

Председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин, выступая на Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге 19 мая 2016 г., отметил, что «инициированные элитами Запада перемены приносят военные, экономические и социальные беды», в то время как политические

[15] Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 88-89.

кризисы провоцируют растущее обнищание широких масс «и невероятно обогащают “избранных”, создающих эти кризисы». Легитимность повсеместно господствующего социально-экономического неравенства приобретает все более сомнительные научные обоснования в свете того, что социальные элиты и политический класс становятся по факту интернациональными, а основная часть народа чувствует незаинтересованность наднациональных социальных элементов в общении на основе равноправия с той социальной общностью, которой номинально принадлежит суверенная власть в конкретной стране.

Конфликтное состояние мирового сообщества во многом обусловлено практическими проблемами в реализации целей устойчивого развития и деградацией правового сознания в информационном обществе. Причиной разрастания широкого политического кризиса, по мнению академика Р. С. Гринберга, стало широкое распространение идеологии радикального либерализма. Политэкономическая природа радикального либерализма отрицательно сказывается на достижении идеалов справедливости и недискриминации, так как принципы права и государственного строительства практически полностью подчинены логике экономической рациональности.

В начале эксплицитной фазы кризисных явлений экономисты не без оснований полагали, что проблема неравенства и цифрового разрыва имеет чисто экономическую природу, однако достаточно быстро стали очевидны комплексные проблемы современного периода социальной нестабильности. Внутри структур власти прослеживается последовательное и осознанное нежелание проводить необходимые изменения системы неолиберального капитализма. Естественно-правовая обязанность власти действовать перед лицом опасностей и угроз, таких как проявления коррупции и радикализации, стала подменяться неправовыми моделями поведения, позволяющими представителям власти уходить от ответственности за попустительство в отношении несправедливости многих либеральных моделей продвижения в жизнь интересов международного бизнеса»[16].

«Отличительной особенностью американского правового реализма является понимание права как системы институтов с «тремя конститутивными, но неразрешенными напряжениями: между властью и разумностью, между наукой и практикой, а также между традицией и прогрессом». В действительности реалисты не отвергли идею о том, что судьи разрешают споры в соответствии с нормами права, сформулированными в эксплицитном статуте, судебном решении или контракте. Однако решающее значение в толковании доктрины имеет тот факт, что вчерашние неправовые нормативные

[16] Кириленко В. П. Естественное право и кризис либерального правопорядка / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев, М. Пацек // Вестник СПбГУ. Серия 14: Право. – 2019. – № 1. – С. 38-54. – С. 38-39.

стандарты могут стать юридически обязательными нормами завтрашнего дня. Вместе с тем в современном мире решение относительно того, каким должно стать будущее состояние государства и права, делегировано властью экономическим структурам, хотя нет сомнений в том, что потребности человека в расширении жизненного пространства и ноосферы необходимо защищать вне зависимости от логики экономической рациональности.

Экономические институты постиндустриального общества нацелены на развитие потребления, вместо того чтобы следовать естественному праву и обеспечивать совершенствование способностей индивидов к самосохранению, взаимопомощи и саморазвитию. Абсолютизация экономических показателей порождает псевдолегитимность социальных девиаций (в том числе аморального свойства), экономически рациональных, но влекущих за собой деградацию человека и мира, в котором он живет. В условиях неолиберального кризиса любые преференции будут обоснованы (легитимны и справедливы) только при том условии, что они имеют естественно правовую природу, т. е. нацелены на защиту и развитие человека, институтов гражданского общества и государства, сохранение существенных характеристик, которые у них есть.

Представляется, что не столько поощрение выдающихся достижений, сколько стремление к созданию механизма правового регулирования, способного гарантировать большинству граждан реализацию их фундаментальных естественных прав и свобод, должно определять тенденции развития современного правового государства. Естественное право с его потенциалом для самосохранения индивидов и социальных общностей, вне всякого сомнения, одна из системообразующих ценностей, которая способна обеспечить устойчивое развитие в информационном обществе»[17].

2.7. Глобализация мировой экономики и политики и формирование предпосылок глобального управления

«Наблюдаемая ныне глобализация оказалась значительно шире своего экономического компонента. Процесс изменений и сдвигов наряду со сферой экономики глубоко затронул политическую, социокультурную и духовную сферы, что позволяет говорить о глобальном "измерении" современной международной системы.

Наряду с толкованием глобализации как логического продолжения и развития процессов интернационализации, возможно и иное понимание ее сути как обретения "отдельными государствами, другими субъектами

[17] Кириленко В. П. Естественное право и кризис либерального правопорядка / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев, М. Пацек // Вестник СПбГУ. Серия 14: Право. – 2019. – № 1. – С. 38-54. – С. 48.

международной жизни и отношений возможностей и потребностей осуществлять какие-то или все основные функции своей жизнедеятельности в масштабах земного шара (территориально), мировых экономики и политики". Одним из проявлений и следствий глобализации в мировой политике стало с конца 1960-х гг. явление сверхдержавности: "появление в одной или нескольких областях, направлениях глобальной деятельности государств, по их потенциалу и возможностям на порядок и более опережающих в этих сферах ближайших конкурентов ...".

Как мы отмечали выше, интернационализация и глобализация логически связаны, во многом взаимообусловлены. Однако они не тождественны друг другу. Н. А. Косолапов указывает на следующие их различия. Интернационализация предполагает выход чего-то ранее сугубо внутреннего за начальные рамки, порождая в долгосрочной исторической перспективе новые, более сложные формы общественной организации, как внутренние, так и международные. "Интернационализация не универсальна по охватываемым субъектам и пространству, не обязательно вовлекает всех или почти всех участников международной жизни, – отмечает он. – В каких-то случаях она может достигать (и достигала) подобных масштабов. Но гораздо чаще и намного эффективнее она происходит на региональном уровне и/или в приложении к отдельным сферам, видам, направлениям деятельности. Конкретный ее случай по типу и характеру участников, по видам и объемам их деятельности может иметь сугубо локальное значение и оставаться практически незамеченным в МО; тем не менее, он тоже будет одним из множества проявлений процессов интернационализации". Глобализация, напротив, обязательно предполагает выход какой-то проблемы или деятельности непременно на глобальный уровень (при этом такая деятельность не обязательно должна быть интернациональной по составу участников). В этом смысле глобализация является порождением второй половины XX в., и ее долговременные последствия пока не ясны.

В первую очередь сложности однозначного определения возможных последствий глобализации связаны с ее "неравномерностью", проявления в ней "дисгармонии развития". Глобализация в ее исторической динамике, отмечает А. С. Панарин, предполагает "становление единого, взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющим их от неупорядоченных внешних воздействий. Принципиальное значение имеет тот факт, что к новой системе открытого, глобализующегося мира различные народы и государства подошли не одинаково подготовленными, значительно отличающимися по своему

экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу". Глобализация как явление и как процесс противоречива, "асимметрична по своей сути". "Глобальный мир в самом деле глобален в смысле объективной взаимозависимости народов, – продолжает он, – он несравненно менее глобален в смысле субъективной политической готовности действительно сообща, на основе добросовестной партнерской кооперации, решить глобальные мировые или региональные проблемы. Мир глобален в смысле наращивания каких-то единых, сквозных транснациональных измерений и пространств; он несравненно менее глобален, если принять во внимание тот факт, что преимуществами такой глобальности в основном пользуются одни (наиболее развитые страны – гегемоны), а издержки несут другие, представляющие так называемое догоняющее или зависимое развитие". Причем в последние годы можно усмотреть тенденцию к расширению пропасти между этими двумя новыми "полюсами". Таким образом, говорить о безоблачности горизонта глобализации не приходится, и однозначно говорить о долгосрочных ее последствиях очень сложно. Следует отметить, что в настоящее время ведутся весьма напряженные дискуссии вокруг этой теоретической проблемы, и дебаты между соперничающими подходами еще далеки от завершения»[18].

«Появление на современной международной арене наднациональных субъектов политики, взявших определенные функции национальных государств, и рост их влияния изменили содержание процессов глобализации. США, занявшие после распада СССР позицию единственного центра силы, определили собственный вариант глобализации в качестве основного вектора развития международных отношений. Однако международная обстановка последних лет свидетельствует об усилении обеспокоенности односторонней политикой США в различных регионах мира. Это проявляется в развитии центростремительных тенденций и возникновении новых форм геополитического равновесия, что представляется своеобразным индикатором регионализации международных отношений.

Ключевым для понимания регионализации и регионализма является термин «регион», который используется для описания различных территориальных объединений. Ф. Содербаум выделяет три уровня регионов: микроуровень, субуровень и макроуровень. Под микрорегионами он подразумевает регионы в границах одного государства, под субрегионами — межгосударственные взаимоотношения в рамках одного региона, макрорегионы охватывают глобальные взаимоотношения. Ш. Бреслин и Г. Хук также выделяют три уровня регионов и дают им схожую характеристику.

[18] Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 14-15.

Однако субрегионы они рассматривают только в связи с макрорегионами на основании их сходства. Субрегионы находятся между глобальным и национальным уровнями, выступая в качестве подсистемы более крупного региона. Микрорегионы занимают место между национальным и локальным уровнями. Уровень региона определяется по совокупности институциональных показателей, сформировавшихся под влиянием территориальных, политических, экономических, демографических, социальных и иных факторов.

В различные периоды эти факторы проявлялись в различных формах регионализма, но только со второй половины XX в. регионы активно выступают в качестве самостоятельных субъектов международной политической жизни. Начиная с учреждения Европейского объединения угля и стали в 1951 г. западноевропейская модель регионализма опиралась на производительные силы с одновременной либерализацией экономических отношений. В развивающихся государствах регионализм в этот период, напротив, имел протекционистский характер и был направлен на защиту на субрегиональном уровне недавно приобретенной независимости»[19].

«... регионализация описывает региональную интеграцию как процесс, а регионализм характеризует принципы этого взаимодействия. При теоретическом осмыслении регионализации исследователи рассматривают регион в качестве субъекта международных отношений и характеризуют глобализацию и регионализацию как амбивалентные процессы. Развитие регионализации привело к пересмотру классических теорий интеграции и появлению новых подходов, необходимых для описания новых форм взаимодействия государств.

Глобализация долгое время рассматривалась как основа развития современной системы международных отношений. При этом процессы регионализации расценивались в качестве производных от нее. Однако в настоящее время признается, что процессы регионализации служат основой для появления качественно новых институциональных связей, способствуя возникновению региональных объединений. Наращивая взаимодействие в различных сферах, появившиеся региональные системы становятся центрами силы и притяжения в регионах. Региональные объединения, постепенно переходя от экономического взаимодействия к политическому, могут приобретать транснациональный характер. Таким образом, происходит процесс трансформации моноцентричной системы международных отношений в

[19] Алексеенко О. А. Глобализация и регионализация как определяющие тенденции процесса формирования полицентричной системы международных отношений / О. А. Алексеенко // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 3. – С. 28-34. – С. 29-30.

полицентричную, имеющую в своей основе взаимодействие региональных объединений»[20].

2.8. Международные конфликты в современном мире

«Ревизионистская сторона неореализма заключалась, прежде всего, в отказе от попыток вывести рациональную теорию из понимания природы человека. Объяснение социального взаимодействия неореалисты отказываются основывать на психологических данных, акцентируя свое внимание на факторах социального порядка. Но более существенной стороной трансформации классического политического реализма в неореализм является стремление последнего "систематизировать", по словам Р.Кеохейна, политический реализм и создать "строгую системную теорию международной политики". Сохраняя основные категории классического политического реализма – сила, национальный интерес, борьба за власть и другие, – неореализм стремится к обогащению его достижениями системной теории. Как отмечал К. Уолц, с тем чтобы понять суть происходящего в международной политике, необходимо показать, "насколько действия и взаимодействия государств, а также результаты этих действий и взаимодействий могут быть объяснены силами, которые проявляются на уровне системы, а не на уровне элемента".

Напомним, что одна из основных идей системного подхода – это посылка об основополагающей роли структуры системы в познании ее законов. Структура "создается" взаимодействием элементов, и в свою очередь она оказывает влияние на действия акторов. Тот или иной результат взаимодействия элементов в рамках системы обусловлен не их особенностями, а свойствами структуры. "В определении международно-политических структур мы рассматриваем государства вне зависимости от того, какие традиции, привычки, цели, желания и формы правительства они имеют, – пишет К. Уолц. – Мы не спрашиваем, является ли государство революционным или легитимным, авторитарным или демократическим, идеологическим или прагматическим. Мы абстрагируемся от всех атрибутов государств, за исключением их возможностей ... Мы абстрагируемся от каких-то особых качеств государств и от всех их реальных связей. Что получается – это позиционная картина, общее описание ... порядка, определенного в терминах положения элементов, а не в терминах их качеств". Иными словами, структура

[20] Алексеенко О. А. Глобализация и регионализация как определяющие тенденции процесса формирования полицентричной системы международных отношений / О. А. Алексеенко // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – № 3. – С. 28-34. – С. 32.

системы понимается К. Уолцем как распределение возможностей для элементов в рамках системы. "Власть оценивается исходя из сравнения возможностей различных элементов [системы]. Хотя возможности являются атрибутами элементов, распределение возможностей ... является системной категорией". Структура системы выступает как "принуждающая сила". Смысл последнего утверждения поясняет Джон Ругги: когда международная система сформирована, она "становится силой, которую акторы не могут контролировать; она ограничивает их поведение и становится между намерениями государств и результатами их действий". Иными словами, структура системы ограничивает "свободу действий" государств и во многом предопределяет результат их взаимодействия. Причем структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, они являются результатом взаимодействия великих держав. "Теория, как и история, международной политики написана в терминах великих держав", – отмечает К. Уолц. В международной политике, как и в любой другой системе, основанной на принципе "самопомощи", акторы, обладающие наибольшими возможностями устанавливают "правила игры" для себя и всех других.

Следует также отметить, что сегодня понимание международной системы, свойственное неореализму, является широко распространенным, и системная теория международных отношений нередко отождествляется именно с ним»[21].

«Теоретические и методологические компоненты изучения политики национальной безопасности взяты из школы политического реализма. Объектом и предметом исследования является государство, при этом оно чаще всего отождествляется с центральным правительством. Ключевым понятием реалистов является сила. Государство руководствуется одним главным принципом – получить, обрести, удержать, умножить силу и влияние. По мнению реалистов, стабильные системы международной безопасности складываются лишь в результате «баланса сил». Первостепенной задачей руководителей государства должна быть защита национальных интересов и обеспечение национальной безопасности. Однако исследователи с 1970-х годов обращаются и к другим типам силы: экономической, идеологической, информационной и т. д. Реализм дал заметный импульс развитию исследований проблем безопасности.

Определенное влияние на становление дисциплины оказала марксистская традиция. Обращая пристальное внимание на социально-экономические

[21] Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 81-82.

причины политических процессов, марксизм фактически явился структурным дополнением реалистической концепции государства.

Стратегический анализ – комплексное изучение целей, намерений, ресурсов и времени ожидания враждебных по отношению к своему государству акций, предпринимаемое, исходя из сложившегося геополитического баланса сил. Стратегические исследования ставят во главу угла способы применения различных форм силы и принуждения в международных отношениях, носят ярко выраженный практический характер, поскольку имеют в качестве своих «адресатов» дипломатические и внешнеполитические ведомства, ответственные за принятие важнейших решений.

Большинство работ, написанных в реалистической традиции, основное внимание уделяли структуре международной системы, что довольно часто приводило к недооценке внутренней политики ... Такие факторы, как тип режима, государственные институты, национальный характер и т. п., не получали должного внимания со стороны исследователей. Ситуация начала меняться на рубеже 1980-1990-х гг. Появились работы, в которых изучались внутренние факторы, влияющие на формирование оборонной политики. В частности, можно выделить исследования Брюса Рассета, Томаса Риссе-Каппена. Особое место в изучении проблем безопасности занимали исследования, в которых анализировалась связь между демократией и миром. В 1983 г. Рудольф Руммел опубликовал статью «Либертаризм и международное насилие» где обнародовал результаты своего исследования – демократические государства не применяют насилие по отношению друг к другу. Реакция на выводы Руммела была противоречивой. От поддержки до ожесточенной критики. Однако в последнее время в западной научной литературе нарастает поток публикаций, в которых разрабатывается методология, призванная объяснить «демократический мир».

Однако многие аспекты внутренней политики оставались в стороне от основных научных разработок. Тем менее, есть некоторые наработки, позволяющие ликвидировать пробел в анализе причинно-следственной связи между видами режимов и их внешней политикой. Б. Рассет, например, предложил культурно-нормативные и структурно-институциональные ограничения, накладываемые на поведение руководителей демократических государств, в том числе и при решении проблем национальной безопасности.

Культурно-нормативное объяснение заключается в том, что лица принимающие решения, руководствуются нормами и ценностями политической культуры, которые определяют характер существующего политического режима. Структурно-институциональное объяснение предполагает, что принцип разделения властей и конституциональные нормы влияют на

политические решения. И в первую очередь это касается выбора инструментов защиты национальных интересов и безопасности. Таким образом, обосновывалась связь между внутренними факторами и политикой национальной безопасности. Однако это направление пока не получило должного развития в работах отечественных политологов и специалистов в области истории внешней политики и международных отношений. Предлагаемая работа это одна из первых попыток проследить связь между идеологией Республиканской партии и решением проблем национальной безопасности республиканскими администрациями США после Второй мировой войны.

Мы предполагаем, что изучение национальной безопасности не должно ограничиваться только анализом военных доктрин, структурами оборонных бюджетов. Военная политика – очень важный, но не единственный компонент политики национальной безопасности. Безопасность напрямую связана с ценностями. Безопасность – необходимое условие, которое позволяет государству сохранять свои ценности. Вот почему важнейшим фактором при анализе политики национальной безопасности должна быть внутренняя политика. Изучение культурно-исторических аспектов, формирующих особый фон разработки и принятия решений в области национальной безопасности, имеет особое значение для понимания и прогнозирования внешней политики государства»[22].

«Операции ООН на пути к достижению мира базируются на следующих направлениях: предотвращение конфликтов и установление мира; поддержка мира; строительство мира. Ко времени окончания холодной войны силы операций ООН по поддержке мира в подавляющем большинстве случаев обладали традиционными мандатами на контроль за прекращением огня и не обладали никакими прямыми обязанностями в отношении миростроительства. Традиционная поддержка мира, которая занималась симптомами, а не источниками конфликтов, не имела присущей ей «стратегии выхода», а связанное с ним установление мира нередко требовало времени для достижения прогресса. В результате этого традиционные миротворцы оставались на местах на протяжении 10, 20 и даже 50 лет (например, на Кипре, на Ближнем Востоке, в Индии, Пакистане).

После окончания холодной войны деятельность ООН по поддержке мира часто объединялась с миростроительством в комплексных операциях в пользу мира, которые разворачивались в условиях внутригосударственных конфликтов. Однако эти конфликтные ситуации одновременно влияли на

[22] Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 244-245.

внешних субъектов и ощущали влияние со стороны внешних субъектов. Таких как политические заместители, торговцы оружием, покупатели незаконно экспортированных товаров, региональные государства, которые бросают в огонь свои собственные войска, а также соседние государства, которые принимают у себя беженцев.

Затраты на проведение таких операций более значительные, чем в случае традиционной поддержки мира. Однако сложность задач, которые полагаются на силы ООН, и неустойчивость ситуации на местах обычно возрастают одновременно. После окончания холодной войны такие комплексные и рискованные мандаты стали скорее правилом, чем исключением: на силы операций ООН возлагались обязанности по сопровождению грузов гуманитарной помощи, если обстановка с точки зрения безопасности была настолько опасной, что гуманитарные операции нельзя было продолжать без большой угрозы для персонала гуманитарных миссий; им давались мандаты на защиту гражданских жертв конфликтов, если потенциальные жертвы находились в наибольшей опасности, и мандаты на контроль за тяжелыми вооружениями, которые находились в распоряжении местных сторон, если такие вооружения использовались для создания угрозы как для миссии, так и для местного населения.

Если комплексные операции в пользу мира разворачивались на местах, задача миротворцев, которые принимали участие в операции, состояла в том, чтобы сохранить безопасные местные условия для строительства мира, а задача тех, кто занимается миростроительством, – поддержать политические, социальные и экономические изменения, которые позволят, чтобы мир держался на собственной основе. История учит нас тому, что миротворцы и «миростроители» являются неразлучными партнерами в комплексных операциях по прекращению конфликтов: хотя «миростроители» не могут функционировать без поддержки со стороны миротворцев, миротворцы не могут уйти без успешной деятельности «миростроителей».

Миротворчество и сегодня является надежным инструментом урегулирования конфликтов. Свою актуальность и эффективность, с точки зрения затрат, показала дипломатия и, в частности, посредничество. «Если война является неудачей дипломатии, то ... дипломатия, как двусторонняя, так и многосторонняя, является нашей передовой линией обороны. Мир сегодня расходует миллиарды на подготовку к войне; так не следует ли нам затратить один-два миллиарда на подготовку к миру?»

Среди большого количества факторов, влияющих на развитие конфликтов последнего времени, следует особо выделить перестройку мировой политической системы, ее отход от Вестфальской модели. Трансформация

политической системы мира и изменение функций государства повлекли за собой размывание суверенитета. Мир, заключенный в Европе после Тридцатилетней войны и положивший начало системе национальных государств, привнес в жизнь чувство принадлежности к той или иной стране. В эпоху безраздельного господства национального государства идентификация основывалась во многом на осознании принадлежности к тому или иному государству. В конце XX в. происходит размывание государственной идентичности, что сопровождается формированием иных видов идентичности, прежде всего, по наиболее очевидному основанию – национальному и конфессиональному»[23].

2.9. Транснациональные вызовы и угрозы международной безопасности: военный аспект

«Наблюдаемые в истории типы международного порядка колеблются в пределах двух классических моделей: модели «состояния войны» и модели «ненадежного мира», или «нарушаемого порядка». Согласно первой из них, сущностью международных отношений является война или подготовка к ней. Так называемые общие нормы хрупки, временны, они пропорциональны поддерживающей их силе и подчинены преходящему совпадению интересов. Взгляды приверженцев этой модели (Фукидида, Макиавелли, Гоббса, Руссо, Канта, Гегеля) оказываются сходными в том, что в международных отношениях не существует общего разума, который умеривал бы амбиции каждого актора, а есть лишь институциональная рациональность, поиски наилучших средств для особых целей, расчет сил, приводящие не к гегемонии, а к конфликтам. Вместе с тем они различаются в оценках подобного типа международного порядка, а следовательно, и путей его преодоления и замены новым, более совершенным.

Гоббс, например, считал состояние войны вполне терпимым, хотя и различал индивидуальную войну «всех против всех», вытекающую из самой человеческой природы, и войну между государствами, которая не обязательно угрожает выживанию каждого человека, особенно если речь идет о сильных государствах. Отсюда его призыв к отказу от индивидуальной свободы людей в пользу государства-Левиафана. Гегель видел в войне необходимое и благоприятное, хотя и суровое средство против упадка гражданского общества и считал, что в конечном итоге конфликты между цивилизованными обществами трансформируются в некий ритуал, не угрожающий их безопасности. Противоположным этому был подход Канта, который

[23] Бебешко Е. В. История международных конфликтов после окончания холодной войны / Е. В. Бебешко // Научный вестник Крыма. – 2017. – № 1 (6). – С. 1-8. – С. 6-8.

рассматривал войны как нетерпимое явление. Идеальным состоянием общества он считал мир между отдельными лицами в естественном состоянии и мир между государствами. Но вечный мир, с его точки зрения, может наступить лишь в очень отдаленном будущем.

Что касается модели «ненадежного мира», то она является реакцией на возникновение государств-наций с их принципом суверенности, а также на утрату абсолютного авторитета христианской церкви и Папы Римского. Международные отношения рассматриваются в ней как среда, в которой имеются силы, способные гарантировать минимум порядка. Такие силы формируются из государств, объединяющихся на основе совместных интересов, которые приводят их к созданию общих правовых норм. С точки зрения Локка, мировая политика не есть состояние войны. В противоположность Гоббсу он считал, что естественное состояние человека означает не «войну всех против всех», а личную свободу и равенство людей и, кроме того, отсутствие единого союза и общего суверена. Последнее обстоятельство создает возможность злоупотребления, поэтому государство призвано соблюдать и защищать принципы естественного права и ограждать от злоупотребления ими. Для государств является «естественным» признание взаимных обязательств, уважения друг друга и взаимопомощи; война же – продукт злоупотребления суверенитетом, она наносит всеобщий вред. Тем не менее войны неизбежны, поэтому международный порядок всегда является ненадежным.

Каждая из приведенных моделей отражала часть действительности своего времени. В определенной мере это остается верным и для моделей наших дней, хотя следует подчеркнуть, что последние десятилетия привнесли в международный порядок существенные изменения»[24].

«Для современного мирового порядка характерно доминирование экономических факторов в решении проблем безопасности государств. В международных отношениях больше всего считаются с государством, чья военная мощь подкрепляется соответствующим экономическим потенциалом. Кроме того, в спорных международных делах все чаще прибегают к использованию различного рода экономических санкций. Наблюдаемая тенденция возрастания роли политических, экономических и других невоенных факторов в решении национальной и международной безопасности ведет к относительному снижению признания роли военной силы в международных отношениях. Но это утверждение справедливо только в период стабильности международных отношений. История доказывает, что эти периоды

[24] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 477-479.

кратковременны и превалирование невоенных действий над военными не может являться постулатом обеспечения международной безопасности, что доказывают события конца XX-начала XXI века на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Восточной Европе и других регионах мира. Хороший урок заблуждениям ряда политиков преподнесла Украина. Нарастание международной напряженности доказывает, что в абсолютном смысле военная сила была и остается важнейшей опорой национальной безопасности государства. Военные и невоенные угрозы тесно взаимосвязаны, поэтому невоенные средства в решении международных проблем часто подкрепляются различными формами силового давления и опираются на военную мощь государства.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что роль военной силы в международных делах существенно изменилась, но еще ни одно государство не отказывается от создания и поддержания собственных вооруженных сил. Более того, в последнее время в некоторых странах все настойчивее звучат призывы к модернизации и усилению военной мощи.

Нынешняя международная обстановка формирует новые и разнообразные вызовы и угрозы, соответственно, перед страной ставятся новые задачи, которые постоянно меняются. Нужно успеть не только их заметить, но и предвосхитить. В настоящее время идет процесс обострения политической и социально-экономической ситуации в мире, борьба за ресурсы, имеют место перманентные военные конфронтации, «цветные» революции, международный терроризм стал реальностью. Все это приводит к смене жизненных ценностей и ориентиров, казавшихся ранее незыблемыми.

Анализ происходящих событий на Украине, Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии подталкивает к выводу о необходимости нового политического взгляда на национальную безопасность, в основе которой должны лежать не только военные параметры силы, но иные, чем сейчас, морально-нравственные ценности, более высокое качество человеческого капитала, что пока невозможно в эпоху глобального рынка. Это может привести к смене концептуального подхода к понятию национальной безопасности, системе ее обеспечения и стратегического планирования»[25].

[25] Султанов А. Д. Геополитические факторы обеспечения военной безопасности современной России / А. Д. Султанов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 242-246. – С. 244-245.

2.10. Транснациональные невоенные вызовы и угрозы международной безопасности

«Безопасность – одно из важнейших условий существования любой системы или института. Именно условие, а не цель, поскольку целью должно быть нечто большее, качественно иное, более высокое и содержательное. Сама идея безопасности возникла как вполне естественная реакция на постоянно существующие угрозы, характеризующие состояние мира. В таком мире необходимо выживать, а значит либо нейтрализовать угрозы (т. е. быть способным дать отпор или одержать победу), либо быть настолько сильным, чтобы у реального и потенциального противника не возникло желания нанести какой-либо вред. Естественно, что основное условие успешного решения этих задач – обладать достаточной силой.

«Традиционно безопасность означала не только и не столько незыблемость внутренних структур общества, – пишет известный российский исследователь Н. Косолапов, – сколько некую, всегда относительную, степень его защищенности от перспективы стать жертвой прежде всего именно кровавых и физических форм насилия. Страх перед таким насилием и порождал готовность противостоять ему любыми средствами, в том числе и собственным упреждающим насилием, а также нейтрализовывал или вовсе устранял ограничения, идущие из сферы духа: от разума, морали, здравого смысла».

На этой основе, как справедливо отмечает Н. Косолапов, сформировалось особое понимание государственного суверенитета, отождествляемого с правом на самостоятельный выбор средств и инструментов обеспечения безопасности. Это, на наш взгляд, определило различное толкование самого термина «безопасность» между представителями академического сообщества и политическими деятелями, несущими прямую ответственность за свои решения и действия. Между первыми и вторыми, как показывает анализ официальных документов США и знакомство с работами ведущих аналитиков – специалистов международников или «стратегического анализа». Мы нашли, что в академической среде понятие «безопасность» эволюционировало и, часто опережало реальность. Хотя следует отметить, что политико-силовое мышление, зарождение которого порой связывают с именем Н. Макиавелли, развившись в школу «политического реализма», как раз и позволяет наиболее адекватно оценить содержание и понимание государственными деятелями понятия «безопасность».

"Безопасность, – пишет А. Уолферс, – объективно означает отсутствие угрозы основным ценностям, субъективно – отсутствие страха, что этим ценностям действительно что-то угрожает". Практически все документы,

посвященные формированию национальной стратегии США, начинаются с определения основных американских ценностей и выявления главных угроз им. Важнейшая логически-дедуктивная цель национальной безопасности – самосохранение нации как особой культурно-исторической, политической общности, что подразумевает защиту государственного строя, национальных идеалов, традиций, стиля жизни. При этом в американской традиции, безопасность как таковая не является ценностью.

Практически невозможно объективно определить или измерить степень безопасности государства. Шкала национальных интересов позволяет судить о степени национальной безопасности. Поскольку государство не способно достичь абсолютной безопасности, важно зафиксировать приемлемый уровень «небезопасности». В Соединенных Штатах, с этой целью исполнительные ведомства формируют шкалу национальных приоритетов, содержание которой и становится предметом политических дискуссий и компромиссов между сторонниками того или иного внешнеполитического курса.

С первых лет существования Соединенных Штатов были обозначены фундаментальные национальные ценности и идеалы, однако их восприятие конкретным субъектом в конкретное время было и будет различным. Учитывать этот факт необходимо, когда предметом научного исследования является стратегия национальной безопасности. Она должна рассматриваться в динамике, ибо, будучи одним из практических воплощений геополитических представлений, американская стратегия не могла не меняться вместе с изменениями международной обстановки. "Национальная безопасность не существует в вакууме, – пишет Д. Кауфман, – она определяется в контексте международной и внутренней ситуации".

Проведенное нами исследование показало, что среди американских ученых отсутствует единство в определение понятия "национальная безопасность". У.Липпман, например, определял "национальную безопасность" в категории "национальных интересов". "Государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии, при необходимости, защитить эти интересы с использованием военной силы". А. Уолферс характеризовал "национальную безопасность" как двусмысленный символ, возможно совсем не имеющий какого-либо точного определения.

Известный американский политолог Р. Барнет, так же как и Уолферс, считает, что со времени принятия Соединенными Штатами в 1947 г. закона о национальной безопасности это понятие выглядит очень туманно: "Достаточно было заявить, что у Америки есть враги и что противопоставить им надо наращивание вооруженных сил и – время от времени – их применение".

Именно к этому исследователь сводит свое определение "национальной безопасности".

По нашему мнению, можно выделить несколько причин, не позволивших академическому сообществу США достичь единого мнения в определении терминологического аппарата. Во-первых, все, что связано с национальной безопасностью в США изначально подвергалось сильной политизации. Тема всегда была и остается конъюнктурной, что мешало проведению серьезного научного анализа. От академической общественности требовали конкретных рекомендаций и предложений. При этом государственную поддержку получали те ее представители, которые отвечали задачам, преследуемым конкретным ведомством или группой лиц, игравшим определяющую роль в формировании национальной стратегии на данном историческом этапе. Как следствие, небольшое количество исторических исследований по данной теме. "Мы потеряли чувство истории, – пишет С. Саркисьян, – когда рассуждали о национальной безопасности и национальных интересах"»[26].

«... большая часть современных вызовов и угроз международной безопасности требует для своего решения новых, прежде всего невоенных подходов. Это относится не только к решению экономических проблем и проблемы деградации окружающей среды, но и к совместному поиску правового разрешения противоречия между стремлением к самоуправлению и групповой самоидентификации и сохранением целостности государств, между ростом сепаратизма и нерушимостью границ, между стремлением субнациональных групп и регионов к суверенитету и суверенитетом нации-государства, частью которого они являются. В этом отношении нельзя не согласиться с выводом о том, что «война создает больше проблем, чем она может решить. Спорный триумф НАТО в Косово создает больше проблем, чем решает их» ...

Сегодня основные вызовы безопасности связаны с глобальным кризисом систем общественной и политической организации и идеологических устоев. Обобщая выводы, касающиеся данной проблемы и содержащиеся в отечественной и зарубежной литературе, можно выделить четыре группы вызовов.

Вызовы, относящиеся к первой группе, касаются меняющегося места государства в составе акторов международных отношений. Особую тревогу вызывают некомпетентность и неэффективность государств во взаимодействии с новыми акторами. Как мы уже видели, в условиях глобализации всюду наблюдается снижение значимости роли государства. Но особенно это

[26] Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 253-255.

относится к государствам, применительно к которым французский социолог Б. Бади использовал термин «импортированные государства». Примеры таких государств – Заир, Афганистан, Сомали, Бурунди ... Б. Бади доказывает, что государство – это исторический продукт социокультурного развития. Оно должно формироваться постепенно и органично. Насаждение европейских по своему происхождению государственных институтов на иную культурную почву не приносит быстрых положительных плодов. А, например, Р. Каплан пишет: «Не будем забывать, что государство – чисто западное понятие, которое до двадцатого века относилось к странам, покрывающим только три процента земной суши. Не существует достаточно убедительных свидетельств того, что государство как идеал правления может привиться в регионах, находящихся за пределами индустриального мира. Даже Соединенные Штаты Америки, по словам одного из лучших ныне живущих поэтов Генри Снайдера, состоят из произвольных и неточных конструкций, наложенных на объективно существующие реальности». Функции государства связаны с накоплением общественного богатства путем создания эффективной экономической системы; с содействием созданию в обществе единства интересов, ситуации компромисса и согласия, личной ответственности за всеобщее благо. Только монополии на насилие сегодня уже недостаточно, к тому же ее значительно труднее обеспечить.

Ситуация обостряется и вследствие роста антигосударственных тенденций. Воздействие СМИ ведет к разрыву между ожиданиями граждан и возможностями государств. Сегодня возможности масс-медиа выходят далеко за рамки государственных границ. Предлагая людям своего рода новый «опиум для народа», нечто вроде «лучшего из миров», новейшие и все более соблазнительные развлечения, частные и транснациональные электронные СМИ объективно, а иногда и целенаправленно отвлекают людей от негативных последствий глобализации, от национальных гражданских задач, противопоставляя «подавляющее воздействие государства на личность» «освободительным» процессам «планетарной культуры», разрушая лояльность людей по отношению к «своему» государству ...

Дестабилизирующее влияние на государства оказывают трансграничные переливы краткосрочных капиталов, действия международных финансовых спекулянтов. Теневая экономика подрывает хозяйственную деятельность государства как на внутриобщественном, так и на международном уровне (преступники договариваются быстрее и эффективнее, чем государственные деятели, а договариваются они против государства). Все чаще наблюдается симбиоз преступных групп с государственными структурами, в которые эти группы проникают. Возникают взаимопереплетающиеся структуры, которые,

подобно государству, осуществляют социальный контроль, распределение благ и так же, как государство (а по сути, за его счет), требуют лояльности к себе. География таких структур редко совпадает с государственными границами. Это сопровождается распространением финансовых преступлений среди транснациональных деловых кругов, работников крупнейших банков с ежегодным оборотом, превышающим суммы в тысячу млрд. долларов, т. е. больше, чем национальный доход стран, представляющих треть человечества.

Формируются архаические общности на основе племенной, этнической, религиозной идентификации. Это несет в себе угрозы сепаратизма, этнического и религиозного экстремизма. Нередко такие общности сращиваются с терроризмом, используют террористические способы достижения своих целей. С этим связана угроза локальных войн и выхода вооруженных конфликтов на региональный уровень.

Вторая группа вызовов международной безопасности связана с нарастанием экономического разрыва и социальной разобщенности между странами, народами и социальными группами. Завоевание транснациональными компаниями все новых рынков сопровождается разрушениями целых отраслей промышленности во всех регионах мира с такими социальными последствиями, как безработица, неполная занятость, которые охватывают сегодня около 1 млрд. человек. Большинство из них проживают в беднейших странах мира. В 1960 г. 20 % самых богатых людей мира обладали доходом, который превышал доход 20 % самых бедных в 30 раз. Сегодня эта цифра увеличилась до 82. Из 6 млрд. населения мира только 500 млн. людей живут в достатке, в то время как остальные 5,5 млрд. испытывают потребности в самом необходимом ... «Золотой миллиард», в свете этих цифр, выглядит преувеличенным ровно вдвое.

Реальным становится риск вытеснения беднейших стран на обочину мирового развития. Возрастают тенденции миграции из бедных в более богатые государства. Последние стремятся отгородиться от мигрантов из бедных стран ужесточением погранично-визового контроля»[27].

«Будучи сердцевиной Евразии, Россия сильнее других стран и народов ощущает на себе, на состоянии своей национальной безопасности любые изменения в динамике глобального мира. Остановимся на некоторых теоретико-методологических аспектах данных проблем подробнее.

1. О понятии турбулентности глобальных геополитических процессов. Смысловое значение слова «турбулентность» заимствовано из физики течения жидкости и газообразных веществ. Означает оно по своей сути такое состояние

[27] Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 334-337.

веществ, при котором их частицы «совершают неупорядоченные хаотичные движения по сложным траекториям». Что-то подобное, применительно к глобальным геополитическим процессам, происходит в наше время. Об этом свидетельствуют целый ряд признаков: резкая смена Западом курса сотрудничества на конфронтацию по многим международным вопросам; кризис и неопределенность в отношениях с ведущими западными странами; расширение силовых методов Западом в борьбе за свои интересы, провоцирующие вооруженные конфликты, рост международного терроризма, миграционного хаоса и гуманитарных катастроф. Главной причиной всплеска современной волны турбулентности в международных отношениях, на наш взгляд, является начавшийся процесс «глобальной геополитической декомпозиции» однополярной архитектуры миропорядка, на вершине которой последние четверть века находились США. В свою очередь сама возможность установления более справедливой системы международных отношений, в противовес гегемонии США и Запада, возникла с ростом авторитета и влияния в мире России. Отсюда и беспрецедентный размах антироссийской риторики на Западе, развязывание санкционной, идеологической, информационной и других видов войн против России.

2. Оценивая роль и место России в глобальном геополитическом пространстве, следует отметить, что наша страна по размерам евразийского пространства и его географической морфологии есть основополагающая конструкция мироустройства, своеобразная «географическая ось истории». Отсюда и суммарная величина глобальной безопасности не может быть достоверна, оценена без учета ее неотъемлемой и весомой составляющей – безопасности России. Достаточно полное и глубокое, с геополитической точки зрения, обоснование особой евразийской природы России дал выдающийся теоретик, один из основателей евразийской геополитики П. Н. Савицкий. Его заслуга состоит в том, что он распространил базовые принципы геополитики на Россию с учетом ее евразийского географического положения и духовного культурно-исторического своеобразия. В этом смысле П. Н. Савицкого можно считать первым русским геополитиком, по масштабу и глубине геополитического мышления не уступающим своим западным коллегам – Ф. Ратцелю, К. Хаусхоферу, Х. Маккиндеру. Он представил в обобщенном и концептуальном виде сугубо геополитический подход и позицию той реальности, которую именовали «хартленд», «сердечная земля». П. Н. Савицкий первым представил взгляд с позиции интересов России на историческое противостояние двух полюсов, двух типов цивилизаций, предопределенных географическими категориями. Один полюс представлен талассократическими цивилизациями – морские страны и народы,

существование которых связано с островным или береговым типом жизни, с мореходством и торговым строем. Пример этого типа – Карфаген, Афины, Португалия, Британская империя, США. После Второй мировой войны данная геополитическая категория отождествлялась с западными либерально-демократическими, концентрирующимися вокруг НАТО странами. Второй полюс представляет теллурократические цивилизации – континентальные, сухопутные, авторитарные страны. К их числу относят – Рим, Спарту, Византию, Россию. Теллурократическая зона удалена от теплых морей, удобных для торговли, береговых земель. Это внутреннее пространство континентов, территории, которые называются также «хартленд» или «сердечная земля». П. Н. Савицкий последовательно и убедительно объяснил логику противостояния этих двух полюсов с позиций геополитического детерминизма и объективно складывающихся геополитических интересов России. «Если американец А. Мэхэн выразил основной вектор американской геополитики к превращению в “главный остров” мира, как магистральный путь к принятию полноты ответственности за мировую талассократию, англичанин Х. Маккиндер рассматривал талассократию как стратегическую судьбу Англии и всего англосаксонского мира, француз Видаль де ла Блаш полагал, что геополитическое будущее Западной Европы, в частности Франции, лежит в тесной солидарности с Англией и Америкой, немец К. Хаусхофер полагал, что будущее Германии зависит от эффективного противостояния на планетарном уровне западному талассократическому блоку, то от лица геополитических интересов России последовательно и ответственно выступал Петр Николаевич Савицкий, разработавший полноценную и развитую теорию специфически русской геополитики, осознающей свою континентальную миссию, радикально противостоящую талассократическим тенденциям и принимающую свою материковую, сухопутную и поэтому универсальную судьбу».

3. Рассматривая безопасность России как геополитический императив глобальной безопасности, следует отметить, что Россия с геополитической точки зрения оказывает решающее влияние на состояние системы глобальной безопасности, прежде всего через механизм взаимодействия двух глобальных геополитических полусфер – талассократической и теллурократической. История их отношений насчитывает несколько тысячелетий и восходит к Карфагену и Риму. Карфаген (талассократия) и Рим (теллурократия) были двумя полюсами цивилизации, которые претендовали на универсальность, на создание мировой империи с доминированием принципов собственного нравственно-этического видения мира. Карфаген воплощал в себе, как известно, рыночно-торговый строй, открытое общество. В нем в культ были возведены власть капитала, принцип наживы, богатства, рационализма и

индивидуализма. Богатство всячески поощрялось и нравственно возвышалось. Богатый человек признавался не просто удачливым, но и эталоном святости. Пороки человеческой природы – коррумпированность, продажность и даже предательство – не ставились под сомнение. Геополитическое положение Карфагена во многом предопределило его образ и нормы жизни. Эффективное использование морских коммуникаций, хорошие дороги, свободная торговля, подкуп варварских народов и их политических элит, жестокая эксплуатация колоний во имя максимальной прибыли – все это было изобретено Карфагеном и доведено до совершенства. Рим изначально опирался на противоположную геополитическую и культурно-цивилизационную основу. Хотя и он, являясь порождением своего социально-исторического времени, был жестоким и коварным, аскетичным и разрушительным, но вместе с тем ориентированным на принципиально иной культурно-исторический и нравственно-этический тип. В Риме верили в честь и достоинство человека, в героизм и дисциплину, в самоопределение и идеальное измерение человеческой личности. Военная сила предпочиталась разлагающей стихии денег. Спустя тысячелетия история поразительным образом повторяется. ...

4. Решающее влияние России на состояние глобальной безопасности связано с тем, что геополитически именно Россия представляет собой наиболее полное выражение сущностных свойств одной из двух названных полусфер – теллурократической»[28].

«Относительно судьбы глобального мира и мировой политической системы с точки зрения влияния на них глобальных политических вызовов возможны три сценария.

Первый сценарий: глобальные политические вызовы игнорируются, глобальный мир впадает в политическую стагнацию, когда сохраняются все негативные его черты: повышенная нестабильность, стагнация, турбулентность, разрыв между странами Севера и Юга и т. д. В ситуации затухающего лидерства США образуется лакуна глобального управления и глобальной ответственности за состояние дел в мире, что может привести к ситуации хаоса. Но время идет, и по мере его течения все труднее будет искать и находить адекватные ответы на глобальные политические вызовы.

Второй сценарий: политические элиты не желают или не имеют возможности ответить на глобальные политические вызовы. В результате эти вызовы постепенно перерастают в глобальные политические проблемы. Если данные проблемы не найдут своего решения, они перерастут в глобальные

[28] Купин В. Н. Евразийская основа стабильности и безопасности мира в условиях турбулентности глобальных геополитических процессов / В. Н. Купин // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – № 2-2. – С. 187-192. – С. 187-188.

политические риски и начнут угрожать существованию всего планетарного человечества.

Игнорирование глобальных политических вызовов приведет к тому, что и наше, и последующие поколения будут жить в турбулентном мире и в ситуации неуправляемого хаоса с постоянной угрозой развязывания ядерной войны; жесткой конкуренции за глобальное лидерство глобальных держав, которые будут использовать любые средства вплоть до развязывания военных конфликтов, чтобы его достичь; фрагментации глобального политического пространства на закрытые этнические общности, скрепленные сознанием собственной национальной исключительности; сползания ранее демократических режимов в авторитаризм и формирования на мировой периферии тоталитарных режимов как реакции на депопуляцию, деиндустриализацию и декультурацию (термины А. С. Панарина) территорий национальных государств.

Третий сценарий: мировое сообщество объединяет усилия, чтобы достойно ответить на эти глобальные вызовы, что приведет к состоянию большей устойчивости мировой политической системы, возможному формированию эффективного коллективного глобального управления и коллективной ответственности глобальных акторов. Но все это не гарантирует возникновения со временем новых глобальных политических вызовов.

Существует несколько вариантов возможных ответов на глобальные политические вызовы, но их принятие и последующие действия по их реализации не будут простыми и потребуют консенсуса и координации политики всего мирового сообщества. Однако отсрочка принятия таких мер может снизить их эффективность и позволит существующим вызовам перерасти в сложно решаемые политические проблемы.

Все три сценария несут в себе потенциальные риски, в них присутствуют элементы неопределенности, но они дают возможность для существования иных точек зрения на будущее глобального мира с позиций экономической или социокультурной глобализации. Будущие исследования глобальных политических вызовов должны фокусироваться на изучении проблемных полей, которые их порождают, ситуаций неопределенности, которые размывают видение причин и последствий данных вызовов, формулировании ответов на них и поиске способов решения поставленных задач, формировании адекватной политики незамедлительного реагирования на вызовы, способного предотвратить их перерастание в глобальные политические проблемы и риски. Вопрос сегодня стоит остро: сможем ли мы обеспечить будущим поколениям условия мира, стабильности и развития во всех областях жизнедеятельности, где политическая сфера занимает особо важное место?

Существующие глобальные вызовы, включающие в себя целый комплекс вопросов: от изменения климата до проблем ядерного разоружения, требуют взвешенных и эффективных ответов, которые в свою очередь должны быть подкреплены коллективными действиями всех стран на основе совместно выработанной стратегии. Сегодня такой коллективной работы нет или она выливается в малоэффективные дебаты с навешиванием политических ярлыков, применением санкций и выталкиванием страны из круга принимающих решений глобальных лидеров с официальным объявлением ее государством-парией.

Это ведет к росту дисбаланса в глобальной экономике и политическому напряжению, которое уже находится на стадии перехода в открытую конфронтацию и гонку вооружений. Все это подрывает сложившиеся правила мировой торговли, нарушает течение финансовых потоков и инвестиций, грозит началом борьбы стран глобальной периферии за первенство в глобальной экономике и политике и переходом к стадии неуправляемого хаоса»[29].

[29] Леонова О. Г. Глобальные политические вызовы современности / О. Г. Леонова // Век глобализации. – 2019. – № 3. – С. 61-72.

ГЛОССАРИЙ

АВТОНОМИЯ (греч. *auto* – сам, и *nomos* – закон) – 1) ограниченная самостоятельность в рамках системы управления (автономия учреждений, автономия общностей); 2) закрепленная в законодательстве форма самоуправления территориальной единицы государства, которая проявляется в самостоятельном решении вопросов местного значения.

АГРЕССИЯ (лат. *aggressio* – нападение) – незаконные, запрещенные международным правом насильственные действия, направленные против суверенитета и территориальной целостности государства. Выделяют военную, экономическую, психологическую и идеологическую формы агрессии. В 1974 г. 29-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН утвердила определение агрессии как применение вооруженной силы против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или какое-либо иное действие, несовместимое с Уставом ООН. В соответствии с Резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14.12.1974 г., в качестве актов агрессии квалифицируются следующие действия: 1) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, а также любая аннексия с применением силы территории другого государства или ее части; 2) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против другого государства; 3) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; 4) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы другого государства; 5) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; 6) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; 7) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам.

АЛЬЯНС (фр. *alliance* – союз) – объединение организаций, политических партий или государств для выполнения определенных целей.

АНКЛАВ (фр. – *enclave*, от лат. *inclavo* – запираю на ключ) – территория государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства

(например, Лесото расположено внутри ЮАР). Анклав, имеющий морскую границу, называют полуанклавом (например, Калининградская область в Российской Федерации).

АННЕКСИЯ (лат. *annexio* – присоединение) – захват, принудительное (насильственное) присоединение одним государством территории другого государства. Аннексия – одно из средств колониальной экспансии ... Гитлеровскими и японскими оккупантами аннексия осуществлялась в отношении захваченных ими территорий во время Второй мировой войны ... Аннексия противоречит принципам территориальной целостности, неприкосновенности и нерушимости государственных границ, запрещения применения силы (или угрозы силы) и поэтому является грубым нарушением современного международного права (согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г. любая аннексия с применением силы рассматривается в качестве акта агрессии).

АРТИКУЛЯЦИЯ ИНТЕРЕСОВ (лат. *articulo* – расчленяю) – функция политической системы, состоящая в выявлении группами интересов, общественными организациями и политическими партиями требований индивидов и социальных групп, предъявляемых к политической системе. Термин введен в научный оборот классиком теории политических систем Г. Алмондом. К основным формам артикуляции интересов Алмонд относит голосование на выборах (массовые решения относительно политических лидеров и их программ), деятельность неформальных групп, общественных движений (коллективное действие, направленное на достижение общего интереса), непосредственный контакт (частные проблемы граждан), а также протестную деятельность (активно выраженная поддержка особых интересов).

БЛОК ПОЛИТИЧЕСКИЙ (англ. *block* – соглашение, союз) – объединение, союз государств, политических партий, общественных организаций, социальных групп для достижения определенных политических целей. Примерами политических блоков являются межгосударственный союз Франции, Великобритании и России (Антанта), противостоявший в Первой мировой войне коалиции государств во главе с Германией; фашистский военно-политический блок Германии, Японии и Италии, противостоявший антифашистскому блоку СССР, Великобритании, Франции и США во Второй мировой войне; военно-политические блоки стран Варшавского Договора и НАТО в период «холодной войны» и пр.

БОЙКОТ (англ. *boycott*, от *Boycott* – фамилии английского управляющего имением Ч. К. Бойкота, в отношении которого впервые в 1880 г. ирландскими арендаторами была применена эта мера) – форма политического протеста и метод политической борьбы, заключающийся в полном или

частичном прекращении отношений с отдельным лицом, организацией, государством с целью принудить его удовлетворить политические и социально-экономические требования. Как деятельность, направленная на то, чтобы подвергнуть сомнению права определенного субъекта политических отношений выполнять свои функции, бойкот может приводить к существенным последствиям, поскольку несет в себе зачатки делегитимации как отдельных институтов власти и конкретных политических лидеров, так и политической системы в целом.

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ (англ. *western*, от *west* – запад) – разновидность модернизации, ориентация на американский (или западноевропейский) образ жизни, модели поведения, духовные ценности.

ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ – форма политической власти, предусматривающая наличие определенного территориального пространства, на которое распространяется государственный суверенитет, специального аппарата управления и принуждения, монопольного права издавать законы, обязательные для всего населения страны. К основным современным моделям организации государственной власти относят принцип разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную) и принцип единства государственной власти.

ВЛАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – возможность и способность субъектов политики оказывать определяющее воздействие на процесс принятия политических решений, их реализацию, а также на политическое поведение других участников политических отношений.

ВОЙНА – вооруженное столкновение в ходе разрешения конфликтов, форма разрешения политического конфликта путем применения насилия. По выражению Карла фон Клаузевица, война является одной из форм продолжения политики и представляет собой «акт насилия, доведенный до крайности».

Выделяют ***внешние*** войны (*между государствами*) и ***внутренние*** (*гражданские*) войны, представляющие собой вооруженную борьбу между противостоящими социальными группами внутри государства. ... По способу ведения выделяют ***войны партизанские, фронтовые*** и ***тотальные***.

Особой разновидностью внешних войн выступают так называемые ***мировые войны***, характеризующиеся глобальным (охватывающим большую часть стран мира) противоборством политических коалиций.

...

С точки зрения современного международного права, война определяется как действия между государствами, национально-освободительными движениями и др., сопровождающиеся полным разрывом мирных отношений. Выделяются справедливые (правомерные) войны – коллективная самооборона

против агрессии, принудительные вооруженные санкции по решению Совета Безопасности ООН, национально-освободительные войны и войны несправедливые (неправомерные), которые рассматриваются как тягчайшее преступление перед человечеством.

ГЕОПОЛИТИКА (греч. *ge* – земля и *politike* – политика) – политологическая концепция, исходящая из признания зависимости политических процессов от территориально-пространственного расположения государств. Геополитика изучает влияние географических факторов (пространственного расположения страны, климата, размера территории, количества населения, наличия естественных ресурсов и пр.) на состояние и эволюцию экономической, политической и социальной систем общества. ... К середине XX в. геополитика окончательно оформляется как самостоятельная область политической науки со своим предметом исследования и категориальным аппаратом. К основным понятиям и категориям, используемым в геополитических исследованиях, можно отнести такие, как ***геостратегия*** (основные направления деятельности государств), ***геостратегические линии*** (порядок пространственной организации основных политических сил), ***геостратегические регионы*** (зоны контроля и влияния регионообразующих государств), ***геополитические регионы*** (зоны устойчивых политических, экономических и культурных связей между государствами) и др., позволяющие описать модель ***мирового геополитического пространства*** в целом.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (лат. *globus* – шар) – процесс расширения взаимосвязи и взаимовлияния различных стран и народов, снятие многочисленных барьеров между государствами и культурами, чему в значительной мере способствует использование современных информационных технологий. Глобализация – это процесс интенсификации экономических, финансовых, политических, военных, культурных, идеологических связей и зависимостей между сообществами, что приводит к униформизации мира во всех областях и появлению социальных связей в наднациональном масштабе.

ГЛОБАЛИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *globus* – шар) – направление в политологии, ориентированное на исследование политических аспектов общечеловеческих, планетарных проблем и их связи с системой международных отношений, изучение конкретных проявлений глобальных проблем в различных регионах мира, а также формирование теоретико-методологических основ политико-глобалистских исследований.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (лат. *globus* – шар) – противоречия и проблемы, характеризующиеся общепланетарными масштабами проявления, большой остротой и динамизмом. Современная политическая наука относит к глобальным проблемы, выступающие в качестве

важнейшего фактора развития цивилизации, затрагивающие жизненные интересы всего человечества и требующие для своего разрешения коллективных усилий всего мирового сообщества.

ГОСУДАРСТВО – центральный институт политической системы общества, создаваемый для организации и обеспечения жизнедеятельности населения на определенной территории с помощью публичной власти, имеющей общеобязательный характер. Это важнейший социально-политический институт общества, осуществляющий политическую власть в процессе регулирования поведения людей (в том числе их групп и объединений) и взаимоотношений между ними, а также охраняющий его экономическую и социальную структуры; «часть общества, имеющая власть и силу, а также возможность распределять общественные ресурсы и средства» (Н. Смелзер). Свойствами государства выступают универсальность (способность управлять всеми общественными процессами) и суверенность (распространение власти на всю территорию государства, а также независимость и равноправие в отношениях с другими государствами). Обладает рядом исключительных прав: на использование насилия (принуждения), на правовое регулирование, на взимание налогов и др.

ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ (ЛОББИ) (англ. *lobby* – кулуары) – организованные группы (объединения, профсоюзы, корпорации и пр.), основной задачей которых является целенаправленное воздействие на органы государственной власти, политические партии и политических лидеров с целью обеспечения своих интересов (лоббирование).

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ – неправительственные и непартийные общественные объединения, которые выражают интересы определенных социальных групп в отношениях с политическими институтами и организациями, а также с другими социальными группами. В отличие от политических партий, не ставят целью достижение политической власти и не принимают непосредственного участия в политических кампаниях.

...

В современном мире группы интересов, представляющие собой объединения людей для совместного отстаивания и реализации общих интересов, являются одним из доминирующих социально-политических институтов. К наиболее заметным и влиятельным группам интересов относят *группы интересов предпринимателей* (представляющие интересы бизнеса), *профсоюзы* (защищающие интересы наемных работников) и *группы общественных интересов* (выражающие коллективный интерес – союзы в защиту гражданских прав, общества потребителей, экологические движения и

пр.). Организованные группы интересов для более эффективной реализации своих интересов создают специальные структуры – *группы давления* (лобби).

ДЕНОНСАЦИЯ (фр. *denoncer* – расторгать) – прекращение действия международного договора путем уведомления участников о его расторжении в порядке и в сроки, установленные в договоре.

ДИПЛОМАТИЯ (греч. *diploma* – складывать) – один из основных способов реализации внешней политики государства, официальная деятельность глав государств, правительств и специальных государственных органов по осуществлению целей и задач государства, а также по защите интересов государства и граждан за границей. Американский политолог Г. Моргентау в работе «Международная политика» сформулировал «четыре основных правила» дипломатии: 1) дипломатия должна быть свободна от духа крестовых походов; 2) внешнеполитические цели должны формулироваться сквозь призму национального интереса и поддерживаться национальной мощью; 3) дипломатия должна видеть политическую ситуацию с точки зрения других стран; 4) государства должны быть готовы к компромиссу по всем вопросам, которые не являются для них жизненно важными.

ИДЕОЛОГИЯ (греч. *idea* – понятие и *logos* – учение) – система политических, правовых, религиозных, философских представлений, взглядов и идей, отражающих интересы, мировоззрение, идеалы людей, социальных групп, политических партий, общественных организаций и общества в целом. Идеология – духовное образование, так как выходит за рамки повседневного эмпирического опыта, но при этом идеология имеет и практическое значение – она сплачивает людей, определяет их мотивацию. Используя определенную систему ценностей, она формирует индивидуальное и массовое сознание, закрепляет цели и программы, определяющие характер и направления развития социальных отношений.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (лат. *informatio* – осведомление, просвещение) – существующая в современной науке концепция, используемая для описания качественно нового этапа общественного развития, в который вступили развитые страны с началом информационно-компьютерной революции. Своим названием концепция «информационного общества» обязана профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши, чей термин был использован в появившихся практически одновременно – в Японии и США – работах Ф. Махлупа (1962) и Т. Умесао (1963). Теория «информационного общества» была развита такими учеными, как Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоунер, Р. Кац и др.

Концепция «информационного общества» указывает на принципиально иной характер трансформации общества в постиндустриальную,

постмодернистскую эпоху, чем описанный в большинстве теорий «постиндустриального общества», разработанных на основе анализа ситуации 50–70 гг. XX в. Создатели теории «информационного общества» исходят из его определения как многогранного феномена, имеющего сложную структуру, но, тем не менее, обладающего рядом определенных признаков, выявление которых и позволяет говорить о нем как об отдельном, самостоятельном феномене. Главной характеристикой «информационного общества» является принципиально новый общественный порядок, в котором важнейшим ресурсом становятся информация и знание.

КОНФЕДЕРАЦИЯ (лат. *confederatio* – союз, объединение) – форма межгосударственного объединения, союз государств для выполнения определенных задач: экономических, политических, военных и др. Входящие в конфедерацию государства сохраняют свой суверенитет и имеют собственные органы государственной власти. Для координации действий в конфедерации, как правило, создаются общие органы власти и управления. До конца XIX в. конфедерация рассматривалась как тип государственного устройства. ... Для конфедерации характерны следующие черты: образование на основе специальных договоров; право свободного выхода из конфедерации; сохранение суверенитета у государств, входящих в конфедерацию; отсутствие союзного гражданства и др. Как показывает история, конфедерации являются весьма неустойчивыми государственными образованиями, которые либо распадаются, либо преобразуются в федеративные государства.

КОНФЛИКТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ (лат. *conflictus* – столкновение) – вид политического процесса, характеризующийся резким противоборством, столкновением политических сил, обусловленным противоположностью их политических интересов, ценностей и взглядов.

К основным видам политического конфликта относят: 1) ***конфликт интересов*** (вызванный столкновением политических и социально-экономических целей); 2) ***конфликт ценностей*** (связанный с противоборством различных идеологических течений, политических ценностей и ориентаций); 3) ***конфликт идентичности*** (обусловленный процессом отождествления, идентификации индивидами или социальными группами своей принадлежности к той или иной общности).

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – состояние системы международных отношений, характеризующееся стабильностью мирового сообщества, основанной на соблюдении принципов и норм международного права. Основополагающие принципы международной безопасности в современном мире – партнерство и сотрудничество, баланс сил и баланс

интересов, демократизация и демилитаризация, гуманизация международных отношений.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА (греч. *politike* – искусство управления государством) – деятельность субъектов международных отношений, направленная на согласование их интересов. Является важным механизмом поддержания стабильности и мира, развития равноправных международных отношений.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО – система договорных, юридически закрепленных норм и принципов, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международных отношений. К основным принципам международного права относят: принцип мирного сосуществования, принцип суверенного равенства государств, принципы нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств, принцип мирного урегулирования конфликтов, принцип уважения прав человека. Принципы международного права закреплены в международных соглашениях и договорах. Основным международно-правовым документом современности, в котором сформулированы главные принципы международного права и способы их реализации, является Устав Организации Объединенных Наций, принятый в 1945 г. государствами-основателями ООН. Важнейшие принципы современной международной политики изложены также в «Декларации о принципах международного права» (1970), «Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств» (1981), во «Всеобщей Декларации прав человека» (1948), «Заключительном акте СБСЕ» (1975), «Парижской хартии для новой Европы» (1990) и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (фр. *organisation*, от лат. *organizo* – придаю стройный вид, устраиваю) – одна из основных организационно-правовых форм международного сотрудничества в современном мире; добровольные организации, деятельность которых охватывает самые разные аспекты международных отношений: экономические, политические, культурные.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – система экономических, политических, социальных, дипломатических, правовых, военных и культурных связей и взаимодействий, которые возникают между различными субъектами мирового сообщества. Основными субъектами международных отношений являются государства.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ (фр. *modernisation*, от *moderne* – современный) – процесс трансформации общества, связанный с изменением, обновлением институтов политической системы, а также характера политических отношений.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (фр. *national*, от *nation* – нация и лат. *natio* – народ, нация) – совокупность внутренних и внешних условий, выполнение которых обеспечивает стабильное политическое, социально-экономическое и духовно-культурное развитие общества, независимость, защиту суверенитета и территориальной целостности государства.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС (фр. *national*, от *nation* – нация и лат. *natio* – народ, нация) – реальные причины действий государства, направленных на обеспечение стабильности его функционирования и развития; совокупность национальных целей и базовых ценностей, играющих важную роль в сфере национальной безопасности.

НАЦИЯ (лат. *natio* – народ, нация) – историческая общность людей, которая складывается в процессе формирования общности их территории, экономической жизни, культуры, языка и особого самосознания.

НЕЙТРАЛИТЕТ (лат. *neutralis* – не принадлежащий никому) – международно-правовой статус государства, предполагающий отказ от участия в вооруженных конфликтах, войнах, а также от вступления в военно-политические блоки и союзы.

НОВЫЕ ПРАВЫЕ – политическое движение в западных странах в 60-70-х гг. XX в., опиравшееся на идеи неоконсерватизма.

ПАКТ (лат. *pactum* – договор, соглашение) – вид международного договора.

ПАНСЛАВИЗМ (греч. *pan* – все и *slavus* – славянин) – идейное и политическое движение, возникшее в XIX в. и направленное на культурное и политическое объединение славянских народов. В научный оборот термин введен в начале 40-х годов XIX в.

ПАЦИФИЗМ (лат. *pacificus* – миротворческий) – 1) осуждение войны, отказ от применения насилия как средства осуществления власти, политики; 2) антивоенное общественно-политическое движение, выступающее против применения военной силы для разрешения политических конфликтов.

ПОЛИТИКА (греч. *politike* – искусство управления государством) – деятельность индивидов и социальных групп, связанная с отношениями по поводу завоевания, удержания и использования власти с целью реализации своих интересов. Автором термина считается Аристотель, определивший политику как цивилизованную форму общности, служащую достижению «общего блага». К основным современным подходам к определению политики относят: коммуникативный (политика как сфера интеграции или борьбы индивидов и социальных групп), директивный (политика как отношения по поводу власти), функциональный (политика как деятельность по управлению).

Внутренняя структура политики может быть описана с помощью трех основных понятий: 1) формы (которая отражает ее организационную структуру: институты политической системы – государство, его составные части и органы власти; партийную систему; группы интересов; социальные нормы – обычаи, традиции, законы и др.); 2) содержания (которое проявляется в ее целях, установках и ценностях, а также в мотивах и механизмах принятия решений); 3) процесса (отражающего характер реализации власти между различными субъектами – индивидами, группами, организациями).

ПОЛИТОЛОГИЯ (греч. *politike* – политика и *logos* – учение) – наука о политике; наука о сущности, формах и закономерностях возникновения, функционирования и развития политических систем, политических явлений и процессов, их месте и роли в жизни общества.

...

К основным функциям политологии относят: *методологическую* (выработка эффективных способов познания политической реальности), *гносеологическую* (раскрывает закономерности развития и функционирования политики), *аксиологическую* (дает оценку различным политическим явлениям и процессам), *практическую* (политическое проектирование, разработка эффективных методов управления политическими процессами), *прогностическую* (определение возможных направлений развития политических отношений), а также *функцию политической социализации* (формирование политических ценностей и моделей поведения).

РЕЖИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ (фр. *regime* – управление) – функциональный аспект политической системы; совокупность методов, средств и способов реализации политической власти. Для анализа современных политических систем принята классификация политических режимов, исходящая из их разделения на ***демократические*** и ***недемократические*** (*автократические*). К основным разновидностям автократических режимов относят *тоталитаризм* и *авторитаризм*.

РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (фр. *ressource* – вспомогательное средство) – совокупность средств, применение которых обеспечивает возможность субъекту власти осуществлять определяющее воздействие на деятельность и поведение объекта. ... выделяют: 1) ***экономические ресурсы*** (материальные и нематериальные блага, ценности, связанные с удовлетворением повседневных потребностей человека и общества, – деньги, товары, услуги, льготы, субсидии и пр.); 2) ***социальные ресурсы*** (социальная мобильность – возможность изменения социального статуса); 3) ***силовые ресурсы*** (оружие, институты принуждения – армия, полиция, служба безопасности, суды, прокуратура и пр.); 4) ***нормативные***

ресурсы (правовые, религиозные, обычные и др. социальные нормы – законы, распоряжения, обычаи, традиции, моральные нормы и пр.); 5) ***культурно-информационные ресурсы*** (знания, информация, учебные заведения, научные учреждения, средства массовой коммуникации и другие). Специфическим ресурсом власти является ***демографический ресурс***.

РЕФЕРЕНДУМ (лат. *referendum* – то, что должно быть сообщено) – важнейшая форма непосредственной демократии, способ принятия гражданами путем голосования законов и решений по важнейшим вопросам общественной жизни. Выделяют референдумы общенациональные и местные, факультативные и обязательные, решающие и консультативные.

СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *stabilis* – постоянный, устойчивый, греч. *politike* – политика) – состояние политической системы, характеризующееся устойчивостью ее основных элементов, стабильностью в выполнении своих функций и во взаимоотношениях с другими политическими системами.

СТЕРЕОТИП ПОЛИТИЧЕСКИЙ (гр. *stereos* – твердый и *typos* – отражение, греч. *politike* – политика) – упрощенное, схематическое представление о политическом объекте. Термин «стереотип» впервые был введен У. Липпманом в 1922 г. для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений о разных национально-этнических, социально-политических и профессиональных группах. Признаками стереотипа являются эмоциональная окрашенность (помимо информации, стереотип несет в себе позитивное или негативное отношение к чему-либо или кому-либо) и большая устойчивость, так как стереотип напрямую не связан с реальной действительностью и базируется на ограниченном политическом опыте. Политические стереотипы значительно упрощают процессы ориентации и принятия решений, способствуют формированию политической идентичности. Искажая представление о политических объектах, они достаточно часто являются средством политического манипулирования.

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ (фр. *souverainete* – верховная власть) – политико-правовое свойство государственной власти, определяющее ее верховенство (полноту и неделимость власти внутри территории страны, исключительное право на установление правовых норм, регулирующих всю систему общественных отношений, определение правового статуса органов государственной власти и местного самоуправления, применение насилия, определение прав и свобод граждан и пр.) и независимость (самостоятельность и равноправие в международных отношениях).

СУВЕРЕНИТЕТ НАРОДНЫЙ (фр. *souverainete* – верховная власть) – полновластие народа, который выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве. Народ осуществляет власть непосредственно (на выборах и референдумах) и через органы государственной власти и местного самоуправления.

СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ (фр. *souverainete* – верховная власть) – полновластие нации, возможность самостоятельного политического самоопределения, а также исключительное право определять и изменять установленный конституционный строй.

ФУТУРОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *futurum* – будущее, греч. *logos* – учение) – область научного знания, связанная с исследованием перспектив развития социально-политических процессов.

ХАРТИЯ (греч. *chartion* – бумага) – в международном праве – декларация, политико-правовой документ, провозглашающий основные принципы организации и деятельности субъектов политических и правовых отношений; не имеет обязательной юридической силы.

ЭКСТРАДИЦИЯ (фр. *extradition*, от лат. *ex* – из, вне и *traditio* – передача) – выдача лица, совершившего преступление, одним государством другому для привлечения его к уголовной ответственности. Экстрадиция производится только в соответствии с международными договорами о взаимной выдаче.

ЭМБАРГО (исп. *embargo* – запрет) – политическое и экономическое влияние на государство путем ограничения или полного разрыва торгово-экономических связей с ним. Является распространенной формой политического давления на государства, представляющие угрозу для международной безопасности.

Источник: Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА

Порядковый номер и тема работы	Краткое содержание работы
1. Международная система: основные направления системного подхода к анализу международных отношений.	Подготовить аналитическую записку на тему «Национально-государственный интерес – базовая категория международных отношений». Сравнительный анализ разновидностей модернизма в форме эссе. Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – С. 79-81. Основные аспекты второго «большого спора» в теории международных отношений. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79-89. Теория игр как пример переноса методов точных наук в гуманитарные дисциплины. Kaplan M. A. The Systems Approach to International Politics / M. A. Kaplan // New Approaches to International Relations. – N.Y.: St. Martin's, 1968. – P. 381-404. Подробное обоснование модернистской методологии в анализе международных отношений.
2. Типы и структуры международных систем.	Составить схему на тему: «Структура международной системы». Изучение методологических основ в системном анализе международных отношений. Понятия структуры, элементов, законов и среды системы. Кибернетика (Н. Винер), синергетика (И. Пригожин) и теория информации (К. Шеннон) как взаимодополняющие подходы к осмыслению вопроса. Общая теория систем (Л. фон Берталанфи), структурное подобие законов естественных и общественных наук. Московский методологический кружок, философия науки по Г. П. Щедровицкому.

	Ленинская теория империализма и ее альтернативы, глобальная геополитическая схема Х. Д. Макиндера (в версиях 1904, 1919 и 1943 гг.), модернистская школа М. Каплана, структурный подход неореалистов (Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – P. 38-59). Исторические системы международных отношений (древнегреческие полисы, китайские «сражающиеся царства», средневековые итальянские государства, Вестфальский, Венский, Версальско-Вашингтонский, Ялтинско-Потсдамский порядки), различные теоретические подходы к осмыслению их опыта.
3. Государства как основные участники международных отношений и мировой политики.	Охарактеризовать внешнюю и внутреннюю политику конкретного государства, его международно-политический статус. Классификация акторов международных отношений. Различные концептуальные подходы к проблеме. Государственный суверенитет в геополитических реалиях XXI в., рост транснациональных взаимодействий и разнообразия акторов. Международные институты и анархический характер мировой политики. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2004. – С. 228-253.
4. Международные организации и другие негосударственные игроки в международных отношениях и мировой политике.	Подготовить аналитическую записку на тему «Роль международной организации (на выбор) как актора международных отношений и мировой политики». Подготовка краткой справки об основных положениях неолиберализма и неореализма, возможности синтеза «нео-нео». Споры о роли и месте государства, акторов других типов, конфликте и сотрудничестве в современных международных отношениях. Сравнительная оценка силы, морали и права как факторов мировой политики. Структурный подход неореалистов и институциональный подход

	неолибералов: общее и различное. Структурные ограничения и принуждения, концепции «зрелой анархии» и взаимозависимости. Притязания конструктивизма на снятие противоречий между наиболее влиятельными теориями. Проблемы и перспективы формирования единой теории международных отношений. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2004. – С. 125-140.
5. Динамика структуры современной международной системы (полярность, возвышение новых центров силы, страны БРИКС, относительное ослабление США, место России).	Подготовить аналитическую записку на тему «Роль и место БРИКС в современных международных отношениях». Знакомство с концепцией «мягкой силы» по Д. Наю. Nye J. Soft power / J. Nye // Foreign policy. – 1990. – № 80. – P. 153-171. Границы применимости теории, «мягкая», «жесткая» и «умная» сила. Идеи Д. Ная и информационное противоборство в международных отношениях, «гибридные войны», технологии смены политических режимов, «цветные революции». Стратегии ключевых государств мира в сфере «мягкой силы»: опыт США, РФ, КНР, Японии, Индии, стран-членов ЕС. Концепция «мягкой силы» с неореалистической, неомарксистской и конструктивистской точек зрения.
6. Динамика основных правил и норм в международных отношениях и мировой политике, ценностно-идеологический фактор в мировой политике.	Подготовить аналитическую записку на тему: «Игнорирование норм международного права: мотивы и последствия». Проработка учебных и справочных материалов. Колобов О. А. Политология. Избранные труды / О. А. Колобов. – Н. Новгород: Вектор Тис, 2000. – С. 6-28. Объект, предмет и метод теории. Различные трактовки международных отношений как особого вида социальных отношений. Методологический плюрализм как отражение сложности исследуемых проблем и степени зрелости дисциплины. Концепции мировой политики в общей системе гуманитарного знания.

	Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2004. – С. 19-76. Уточнение основных понятий теории, освещение ее методологических проблем. Система международных отношений, их акторы, законы, регулятивные принципы. Критерии научной достоверности, принципы верификации и фальсификации в социальных исследованиях, аксиологическое, прагматическое и прогностическое измерения теории, перспективы ее развития.
7. Глобализация мировой экономики и политики и формирование предпосылок глобального управления.	Составить схему на тему «Взаимосвязь экономики и политики в процессе глобализации». Работа с учебными и справочными материалами. Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – С. 85-87. Краткое изложение основ неомарксистского подхода. Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – 109 p. Развернутое обоснование мир-системного анализа в терминах политической экономии, геоэкономики и геокультуры.
8. Международные конфликты в современном мире.	Написать тезисы на тему «Современный международный конфликт: типология и классификация». Анализ категории силы в теории Г. Моргентау (в форме доклада). Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 5th ed., rev. / H. J. Morgenthau. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – P. 4-15. Сила как относительная категория, военно-политический потенциал государства. Национальные интересы и национальная безопасность, шесть принципов политического реализма, баланс сил в его дипломатическом и военном аспектах, причины его сохранения и нарушения.

9.Транснациональные вызовы и угрозы международной безопасности: военный аспект.	В форме доклада охарактеризовать угрозы военного характера в современном миропорядке. Ознакомление с существующими концепциями информационной и гибридной войны. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления / С. А. Иванов // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4 (80). – С. 276-279; Маруев А. Ю. Информационная безопасность России и основы организации информационного противоборства / А. Ю. Маруев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – № 1. – С. 47-54. Разграничение понятий информационной и гибридной войны, обзор инструментов и приемов черного PR, применяемых в международных отношениях и мировой политике. Военно-политические технологии США и других стран мира: история и современность. Стратегия и тактика информационных войн: опыт ливийского, сирийского и украинского кризисов, современных российско-американских и китайско-американских отношений. Самохвалова В. И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения / В. И. Самохвалова // Философия и общество. – 2011. – № 3. – С. 54-73. Сопоставление национальных стратегий информационного противоборства (РФ, США, КНР) в виде таблицы (7-10 пунктов с обоснованием критериев сравнения и выводом об эффективности принимаемых мер).
10.Транснациональные невоенные вызовы и угрозы международной безопасности.	Составить таблицу на тему «Угрозы невоенного характера в современных международных отношениях». Семантический спектр понятия «информационная безопасность»: западный, российский и китайский подходы. Защита государственных интересов в информационной сфере: российский опыт. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. –

	Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/424. – Дата обращения: 23.07.2019; Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/41460. – Дата обращения: 23.07.2019. Текущие достижения в реализации рассмотренных стратегий, перспективные направления дальнейшей работы. Борьба с киберпреступностью, оптимизация государственной медиаполитики, обеспечение устойчивого инновационного развития (включая гуманитарные технологии). Концепции информационной безопасности зарубежных стран в историческом времени, в пространствах геополитики и геокультуры: национальная специфика и уроки для России. Крутских А. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности / А. Крутских // Международные процессы. – 2007. – Т. 15. – № 1. – С. 28-37.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

Темы рефератов

1. Становление международно-политических исследований как самостоятельной научной дисциплины.

2. Спор рационализма и рефлексивизма в теории международных отношений.

3. Специфика рационализма и рефлексивизма как конкурирующих методологий международных исследований.

4. Постмодернизм в теории международных отношений.

5. Критическая теория общества: идейные истоки, основные положения, видные представители.

6. Конструктивизм: идейные истоки, основные положения, видные представители.

7. «Национальные школы» в международно-политических исследованиях.

8. Особенности американской школы международных исследований, ее крупнейшие представители.

9. Основные течения и доминирующие теории в американской науке международных отношений.

10. Достоинства и недостатки американских теорий мирового развития.

11. Особенности английской школы международных исследований, ее крупнейшие представители.

12. Основные положения и разновидности теории международного общества.

13. «Международное общество» и «мировое сообщество».

14. Специфика французской школы исследований международных отношений и мировой политики.

15. Основные этапы развития французской школы международных исследований, ее крупнейшие представители.

16. Приоритетная проблематика французской школы международных исследований.

17. Преобладающие течения в исследовании международных отношений и мировой политики в современной Франции.

18. Развитие международных исследований в СССР и России.

19. Особенности формирования и господствующие тенденции советской науки международных отношений.

20. Проблемы и перспективы международных исследований в постсоветской России.

21. Главные теоретические школы в российской науке международных отношений.

22. Реализм в российской теории международных отношений.

23. Либерализм в российской теории международных отношений.

24. Марксизм в российской теории международных отношений.

25. Ключевые проблемы науки международных отношений в XXI веке.

26. Эволюция теории «справедливой войны».

27. Социокультурные, цивилизационные и этнополитические причины вооруженных конфликтов современности.

28. Причины межгосударственных войн через призму различных исследовательских парадигм.

29. Исторические типы международного порядка и современный этап мирового развития.

30. Роль и место России в меняющемся мировом порядке.

31. Основные положения атлантизма.

32. Основные положения мондиализма.

33. Основные положения неоатлантизма.

34. Основные положения американской школы геополитики.

35. Проблемы и перспективы современных российско-американских отношений.

36. Проблемы и перспективы современных американо-китайских отношений.

37. Проблемы и перспективы современных американо-японских отношений.

38. Проблемы и перспективы современных американо-индийских отношений.

39. Внешнеполитическая концепция З. Бжезинского.

40. Внешнеполитическая концепция Г. Киссинджера.

41. Внешнеполитическая концепция Ф. Фукуямы.

42. Внешнеполитическая концепция С. Хантингтона.

43. Традиции и инновации во внешней политике США.

44. Никколо Макиавелли как предтеча политического реализма.

45. Международно-правовые взгляды Гуго Гроция.

46. Теория государства и права Томаса Гоббса.

47. Идея «вечного мира» по Иммануилу Канту.

48. Буржуазно-демократические тенденции французского Просвещения.

49. Борьба идей в ходе Великой французской революции.

50. Утопический социализм Р. Оуэна и Ш. Фурье.

51. Консерватизм Л. Бональда, Ж. де Местра и Э. Берка.

52. Теория государства и права Г. Гегеля.

53. Гуманистические тенденции в творчестве Л. Фейербаха.

54. Индивидуалистический анархизм М. Штирнера.

55. Классовый подход в общественно-политическом учении К. Маркса и Ф. Энгельса.

56. Теория прав человека в эпоху буржуазных революций.

57. Славянофилы и западники в спорах о будущем России.

58. Общественно-политические взгляды А. Герцена.

59. Немецкая социал-демократия в империи Гогенцоллернов.

60. Теория и практика монархизма в XVIII-XIX вв.

61. Парижская коммуна в оценках современников.

62. Интеллектуальные истоки политических теорий мирового развития.

63. Нормативный подход в традиционной истории дипломатии.

64. Геополитика Х. Д. Макиндера.

65. Геополитика А. Т. Мэхэна.

66. Марксистские теории империализма.

67. Немарксистские теории империализма.

68. Политический идеализм В. Вильсона.

69. Категория силы в работах Г. Моргентау.

70. Категория национального интереса в работах Г. Моргентау.

71. Радикальная парадигма международных отношений.

72. Математические и естественнонаучные методы в теории международных отношений.

73. Первый «большой спор» в теории международных отношений.

74. Второй «большой спор» в теории международных отношений.

75. Третий «большой спор» в теории международных отношений.

76. Проблемы классификации акторов международных отношений.

77. Мораль и право в международных отношениях.

78. «Жесткая», «мягкая» и «умная» сила в международных отношениях.

79. Системный подход к изучению международных отношений.

80. «Столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону.

81. «Конец истории» по Ф. Фукуяме.

Индивидуальные творческие задания по дисциплине

Написать аналитическую записку, раскрывающую методику и методологию курсовой работы студента.

Законспектировать следующие работы:

1. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79-89.

2. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 7-30.

3. Най Д. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Д. Най // Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 10. – С. 20-24.

4. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 700-731.

5. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 680-700.

6. Цыганков П. А. Природа и закономерности международных отношений / П. А. Цыганков // Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова. – М., 2000. – С. 9-37.

7. Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Русский Архипелаг: сайт. – URL: http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465 (дата обращения: 17.03.2015).

8. Kaplan M. A. The Systems Approach to International Politics / M. A. Kaplan // New Approaches to International Relations. – N.Y.: St. Martin's, 1968. – P. 381-404.

9. Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 5th ed., rev. / H. J. Morgenthau. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – P. 4-15.

Написать эссе на одну из предложенных тем:

1. Форматирование будущего как проблема национальной безопасности.
2. Гармония интересов или «мировое правительство»?
3. Смена парадигмы и принципов глобального регулирования. Сила или норма?
4. Военная сила как фактор мирового управления.
5. Силовое глобальное регулирование: «за» и «против».
6. Однополярный мир как «конец истории»?
7. Инструменты защиты нормы: «кнут» или «пряник»?
8. Новый взгляд на проблему государственного суверенитета.
9. Тезис о невмешательстве во внутренние дела государств и его критика. Пересмотр традиционных концепций.
10. Внутренние проблемы государства как проблемы мировой политики.
11. Международный терроризм и мировой порядок.
12. Роль нефтяного фактора в современных международных отношениях.
13. Проблема «информационного взрыва» и новый мировой порядок.

Тематика и примерные планы творческих работ

1. Первый «большой спор» в теории международных отношений

1. Основные концепции и подходы политического идеализма.

1.1. Антропологические представления и политические выводы из них.

1.2. Теория коллективной безопасности в трудах В. Вильсона и его последователей.

1.3. Роль морали и права как регуляторов международных отношений.

2. Политический реализм как фундаментальная теория и прикладная концепция.

2.1. Представление о человеческой природе как философская идея и прагматическая объяснительная модель.

2.2. Национальная мощь и национальные интересы.

2.3. Сила как ключевая категория международных отношений.

3. Теоретические дискуссии реалистов и идеалистов в середине XX в.

3.1. Сущность международных отношений, их основные факторы и характеристики.

3.2. Роль государства и негосударственных акторов в исторических и современных международных отношениях.

3.3. Пути и желательные направления для трансформации международных отношений.

Рекомендуемая литература:

1. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.

2. Лебедева М. М. Мировая политика: учеб. для бакалавров / М. М. Лебедева. – М.: КноРус, 2016. – 253 с.

3. Моргентау Г. Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 501–507.

4. Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с.

5. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с.

2. Второй «большой спор» в теории международных отношений

1. Методологическая специфика «традиционных» теорий международных отношений.

1.1. Политический реализм: баланс сил и интересов национальных государств.

1.2. Политический идеализм: коллективная безопасность и международное право.

1.3. Неомарксизм: мир-системный анализ и политическая экономия.

2. Модернистские подходы к изучению международных отношений.

2.1. «Теория поля» Ф. К. Райта.

2.2. Априорные методы в исследовании международных систем по М. Каплану.

2.3. Социология международных отношений по К. Дойчу.

3. Полемика «традиционалистов» и модернистов: методологический и содержательный аспекты.

3.1. Математические и естественно-научные подходы в гуманитарных дисциплинах.

3.2. Пересмотр границ объекта и предмета в теории международных отношений.

3.3. Последствия второго «большого спора» для дальнейшего развития дисциплины.

Рекомендуемая литература:

1. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79–89.

2. Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита: пер. с англ.; общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – 364 с.

3. Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с.

4. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2002. – 400 с.

5. Kaplan M. A. The Systems Approach to International Politics / M. A. Kaplan // New Approaches to International Relations. – N. Y.: St. Martin’s, 1968. – P. 381–404.

3. Современные концепции внешней политики США

1. Мировоззренческие основы и исторические судьбы неоконсерватизма.

1.1. Американская неоконсервативная мысль в эпоху «холодной войны»: новые подходы к внутренней и внешней политике.

1.2. Неоконсервативная мысль в постбиполярном мире: американский гегемонизм и его критика.

1.3. Внешняя политика администрации Д. Буша – младшего: интервенции в Афганистане и Ираке, свободная торговля, кризис американского глобального лидерства.

2. Неолиберализм как теория международных отношений и концепция позднекапиталистического общества.

2.1. Неолиберальная мысль в эпоху «холодной войны»: транснационализм, теория взаимозависимости, приватизация и маркетизация в экономике.

2.2. Неолиберальная мысль в постбиполярном мире: «новый мировой порядок» и его альтернативы.

2.3. Внешняя политика администрации Б. Обамы: ослабление американского влияния в контексте общего кризиса капитализма.

Рекомендуемая литература:

1. Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен. – М.: АСТ, 2006. – 346 с.

2. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – 847 с.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 1996. – 576 с.

4. Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower / Z. Brzezinski. – N. Y.: Basic Books, 2007. – 234 p.

5. Fukuyama F. America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy / F. Fukuyama. – New Haven: Yale Univ. Press, 2006. – 264 p.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемое учебное пособие «Актуальные политические проблемы международной системы» содержит ключевую информацию по всем темам курса, позволяет рационально и эффективно организовать освоение учебного материала, облегчить приобретение умений, навыков и компетенций, перечисленных в рабочей программе дисциплины. Дается общее представление о категориальном аппарате и внутренней структуре теории, прослеживается противоречивый путь ее поступательного развития.

Ряд вопросов, сформулированных в рамках исследований международно-политических проблем, все еще ждут своего решения. Так, остаются неясными перспективы формирования единого подхода, продолжаются споры относительно объекта, предмета и метода дисциплины, ее места в общей системе гуманитарного знания. Национальные школы международных исследований нередко не могут преодолеть концептуальные и аксиологические разногласия, мешающие им достичь взаимопонимания по ключевым мировоззренческим вопросам. Все это требует от специалиста непрерывного самообразования, умения ориентироваться не только в устоявшихся теориях, но и в дискуссионных гипотезах, выдвигаемых на передний край развития дисциплины.

Дальнейшее изучение предмета предполагает глубокую проработку рекомендуемой научной литературы, проведение самостоятельных исследований проблемных вопросов, не нашедших пока удовлетворительных ответов. Кроме того, при освоении других учебных дисциплин нужно по возможности прослеживать их связи с политическими проблемами международной системы, стремиться к созданию единого концептуального контекста, необходимого для правильного решения важнейших международно-политических проблем. Перспективы совершенствования рассматриваемой учебной и научной дисциплины по-разному оцениваются ведущими специалистами. Некоторые утверждают, что она стоит на пороге обретения подлинной зрелости, другие смотрят на магистральное направление ее эволюции с известной долей скепсиса. Впрочем, чтобы сформировать осознанное отношение к данной дискуссии, необходимо максимально полно овладеть концептуальным аппаратом дисциплины в его современном виде.

Актуальные политические проблемы международной системы имеют ключевое значение для овладения материалом таких дисциплин, как «Политические теории мирового развития» и целый ряд других. Они дают углубленное понимание многих тем, изучаемых в рамках курсов «Теория международных отношений», «Основы геополитики и геостратегии», «Теория цивилизаций». Соответственно, всестороннее методическое обеспечение

преподавания данного курса представляется в высшей степени актуальной задачей. Настоящее пособие может быть полезно как преподавателям высших учебных заведений, так и студентам, нацеленным на самостоятельное углубленное овладение дисциплиной, систематическое выявление ее связей с другими направлениями исследований.

Необходимо также сделать несколько методологических замечаний, призванных облегчить студентам дальнейшее освоение теории. Теория международных отношений является относительно молодой дисциплиной. Согласно наиболее распространенному мнению, она сформировалась на рубеже XIX-XX вв., когда устаревший, чисто описательный подход традиционной истории дипломатии был раскритикован сторонниками структурного анализа международных отношений. Тогда возникли две его версии – теории империализма и геополитика. Именно в преддверии Первой мировой войны, после «закрытия мирового пространства» вырос спрос на квалифицированный анализ международных отношений.

Согласно другой версии, теория международных отношений возникла в 50-е гг. XX в., когда модернисты раскритиковали так называемые «традиционные» школы (политический реализм, политический идеализм, неомарксизм). Модернисты выступали за придание теории международных отношений подлинной научной строгости за счет использования математических и естественнонаучных методов анализа. Модернизм как комплексная исследовательская программа не оправдал возлагавшихся на него надежд, но его частные достижения существенно повлияли на дальнейшее развитие дисциплины.

Сегодня продолжаются споры о специфике международных отношений как разновидности общественных отношений. Проблемное поле дисциплины очерчено недостаточно четко, остается открытым вопрос, располагает ли она специфическими методами исследования, не имеющими прямых аналогов в истории, политологии, социологии. Кроме того, сегодня уместнее говорить о теориях международных отношений, чем о единой теории. Хотя в последнее время наметился синтез неолиберализма и неореализма, сохраняется большое количество расхождений между ведущими теоретиками. Наконец, не до конца выяснено соотношение между самой дисциплиной и историей ее развития: критерий прогресса не всегда применим к смене парадигм международных отношений.

В 1950-х гг. шел второй «большой спор» в теории международных отношений. Модернисты раскритиковали «традиционализм» (в данное понятие они включали политический реализм, политический идеализм и неомарксизм) за приверженность интуитивно-логическим методам исследования, не

соответствующим наиболее строгим критериям научной достоверности. Сторонники нового подхода призывали к активному применению математических и естественнонаучных методов исследования, к созданию единой доказательной теории.

Озвученная модернистами критика во многом была верной, однако их собственная исследовательская программа не оправдала связывавшихся с ней ожиданий. Теоретики новой школы часто приходили к разным, взаимоисключающим и даже диаметрально противоположным выводам. В некоторых случаях контраргументы «традиционалистов» оказывались весомее. Известный британский ученый Х. Булл считал, что склонные к формализации модернисты неправильно понимают сам предмет исследования.

Несмотря на свои очевидные недостатки, модернизм сделал весомый вклад в теорию международных отношений. Столкнувшись с его критикой, «традиционалисты» были вынуждены пересмотреть ряд своих концепций. Политический реализм эволюционировал в неореализм, политический идеализм – в неолиберализм. Ученые стали внимательнее к структурным особенностям международных отношений, системный подход получил более широкое распространение.

Сегодня математические методы достаточно широко применяются в общественных науках, однако с ними, как правило, уже не связывают чрезмерных ожиданий. Пришло более глубокое понимание специфики гуманитарного знания, была отточена методика междисциплинарных исследований.

Наконец, нужно дать краткий обзор таких понятий, как фактор и актор международных отношений, а также системный характер мировой политики.

Актор международных отношений – это их субъект, действующее лицо, тот, кто влияет на них, играет в них активную роль. Классический политический реализм, по сути, сводил международные отношения к межгосударственным, а акторов других типов, как правило, оставлял без рассмотрения. После Второй мировой войны появились влиятельные международные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и индивиды получили более широкие возможности участвовать в международных отношениях. Теоретики были вынуждены расширить список акторов и пересмотреть сравнительную оценку их международно-политического влияния.

Сегодня и неолибералы, и неореалисты относят к акторам международных отношений государства, международные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, некоторые национально-освободительные

движения и международные преступные группировки, общины (коммуны), индивидов. Неореалисты считают, что все негосударственные акторы сильно отстают по уровню мощи от государства, неолибералы же считают данный разрыв небольшим. При этом и те, и другие рассматривают межгосударственные отношения как ядро международной жизни в целом.

Роль государства в современных международных отношениях заметно меняется. С одной стороны, растет число трансграничных взаимодействий, которые оно не может прямо контролировать, интеграционные процессы ограничивают его суверенитет, сужают пространство доступных решений. С другой стороны, многие люди по всему миру рассматривают свои государства как единственную силу, способную обеспечить их безопасность в стремительно меняющемся, полном вызовов и угроз мире. Таким образом, рано говорить об «отмирании» государства, его вытеснении другими акторами международных отношений.

Любая система состоит из элементов и отношений между ними. Элементами системы международных отношений являются государства и акторы других типов, их отношения могут иметь характер сотрудничества, соперничества, конфликта.

В 1648 г. возникла Вестфальская система международных отношений – первая, способная претендовать на подлинно глобальный статус. Она была многополярной и основывалась на принципе баланса сил, противодействия гегемонизму отдельных государств. «Дипломатическая революция» и Семилетняя война поколебали ее основы. Великая французская революция, революционные войны Франции и Наполеоновские войны ниспровергли старый миропорядок. В 1815 г. оформилась новая – Венская – система международных отношений, которая подарила Европе почти столетие относительной стабильности. Однако в Европе XIX века наблюдался рост национализма в политике и протекционизма в экономике, противоречия между великими державами постепенно обострялись. Первая мировая война подвела черту под эпохой «Европейского концерта».

Версальско-Вашинтонский порядок (1922-1939 гг.) никогда не был стабильным, его погубили несправедливость послевоенного урегулирования, экономические проблемы, противоречия между ревизионистскими державами и державами статус-кво, подъем тоталитарных режимов. Вскоре после разгрома фашизма началась «холодная война» между США и СССР, продолжавшаяся более четырех десятилетий. В 1991 г. Организация Варшавского договора была распущена, а СССР распался. В 1990-е гг. мир был квазиоднополярным, поскольку не существовало симметричных вызовов американской мощи. Сегодня человечество живет в условиях незрелой многополярности и кризиса

американского влияния. Решить глобальные проблемы можно только совместными усилиями большинства государств мира, отдельно взятая страна (даже сверхдержава) не сможет самостоятельно справиться с ними.

С точки зрения политического реализма, сила является главным фактором международных отношений. Любое государство стремится выжить, обеспечить собственную безопасность и нарастить свою мощь. В достижении данных целей оно, в конечном счете, может полагаться только на себя. Мораль и право не являются эффективными регуляторами международных отношений. Перечисленные убеждения реалистов основаны на представлении, что человек по своей природе зол, властолюбив, эгоистичен.

Политические идеалисты, напротив, верили в изначально добрую природу человека. Они считали, что глобальная система коллективной безопасности позволит полностью исключить войну из арсенала международной политики, что отношения между государствами возможно удержать в рамках, определенных моралью и правом. Лига наций не оправдала возложенных на нее надежд, что нанесло классическому политическому идеализму сокрушительный удар.

В эпоху «холодной войны» было переосмыслено само понятие силы как фактора международных отношений. Если реалисты понимали под силой только военно-экономический потенциал государства, то неолиберальный теоретик Д. Най ввел понятие «мягкой силы», не связанной с принуждением, основанной на привлекательности политических институтов, ценностей, культуры той или иной страны. В дальнейшем была разработана концепция «мягкой силы», объединяющей черты «умной» и «жесткой».

В современном международном праве есть ряд «серых зон», например, неясным остается соотношение права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности государства. Некоторые влиятельные страны проводят политику двойных стандартов, намеренно используя данные «серые зоны» в своих интересах. Они же препятствуют объективной критике своих действий, манипулируя мировым общественным мнением.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Баженов А. М. Социология международных отношений: учеб. пособие / А. М. Баженов. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 300 с.

2. Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталев. – М., 2002. – 380 с.

3. Теория международных отношений: учеб. для академ. бакалавриата / П. А. Цыганков [и др.]; под ред. П. А. Цыганкова // Бакалавр. Академический курс. – М.: Юрайт, 2015. – 316 с.

4. Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с.

5. Цыганков А. П. Социология международных отношений. Анализ российских и западных теорий: учеб. пособие / Цыганков А. П., Цыганков П. А. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 241 с.

Дополнительная

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.

2. Азаров В. Н. Европа в 1871-1900 гг.: политическое равновесие или подготовка к войне? / В. Н. Азаров // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29). – С. 90–99.

3. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 623 с.

4. Аристотель. Политика / Аристотель; пер. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова // Philosophy. – М.: АСТ, 2002. – 393 с.

5. Балынская Н. Р. Субъекты современной медиа-политики / Н. Р. Балынская, Т. П. Рахлис // Символ науки. – 2016. – №1-3. – С. 215–216.

6. Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. В 2 ч. Часть I / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 36–44.

7. Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. В 2 ч. Часть II. Качественные параметры / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 63–73.

8. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

9. Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий / А. М. Бобыло // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 129–135.

10. Богатуров А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталев. – М.: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям, 2002. – 384 с.

11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Технология свободы. – М.: Постум, 2015. – 240 с.

12. Братерский М. В. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 130–144.

13. Буряк М. А. Медиасфера: концептуализация понятия / М. А. Буряк // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2014. – № 2. – С. 200–212.

14. Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен / [пер. с англ. К. Ковешникова]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 348, [4] с.

15. Василенко И. А. Значение публичной дипломатии в имиджевой политике России / И. А. Василенко // Власть. – 2015. – № 2. – С. 48–53.

16. Вольфсон Ю. Р. Визуальное восприятие в современном обществе или куда движется галактика Гуттенберга? / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 4 (48). – С. 177–189.

17. Гаджиев К. С. Геополитика: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / К. С. Гаджиев // Основы наук. – М.: Юрайт, 2011. – 479 с.

18. Гаджиев К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 398 с.

19. Графский В. Г. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / В. Г. Графский. – М.: Проспект, 2006. – 596 с.

20. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2006. – 511 с.

21. Давыдов Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях / Ю. П. Давыдов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3–24.

22. Давыдов Ю. П. Стратегические культуры США и Европы / Ю. П. Давыдов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 3. – С. 48–70.

23. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79–89.

24. Евдокимов Е. В. «Народная дипломатия» КНР. Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды / Е. В. Евдокимов // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3. – С. 285–289.

25. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 352 с.

26. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления / С. А. Иванов // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4 (80). – С. 276–279.

27. Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий // Политическая теория. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.

28. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

29. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – М.: АСТ, 2016. – 512 с.

30. Коновалова О. А. Основные приоритеты в российско-германских отношениях в 1990-2000-е годы / О. А. Коновалова // Вестник Российского университета дружбы народов (серия «Международные отношения»). – 2012. – № 4. – С. 40–46.

31. Концевая Н. А. Паблик рилейшнз и ее особая сфера – публичная дипломатия: парадигмы изучения / Н. А. Концевая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10-1. – С. 80–83.

32. Косачев К. И. «Мягкая сила» России: теория и реальность / К. И. Косачев // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 7–9.

33. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. – М.: Дело; РАНХиГС, 2012. – 272 с.

34. Крутских А. В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности / А. В. Крутских // Международные процессы. – 2007. – № 1 (5). – С. 28–37.

35. Лебедева М. М. Мировая политика: учеб. для бакалавров / М. М. Лебедева. – М.: КноРус, 2016. – 253 с.

36. Лебедева М. М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 10–13.

37. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 27. – С. 299–426.

38. Лунёв С. И. «Мягкая сила» России в Азии / С. И. Лунев // Безопасность Евразии. – 2009. – № 3 (37). – С. 367–376.

39. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с итал. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2004. – 703 с.

40. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 7–30.

41. Маруев А. Ю. Информационная безопасность России и основы организации информационного противоборства / А. Ю. Маруев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – № 1. – С. 47–54.

42. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешнеполитической деятельности РФ / А. Н. Марчуков // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 5. – С. 90–105.

43. Минасян С. М. Мировой опыт принятия концепции национальной безопасности / С. М. Минасян // 21-й век. – 2006. – №2 (4). – С. 78–110.

44. Моргентау Г. Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 501–507.

45. Най Д. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Д. Най; пер. с англ. В. И. Супруна. – М.: Тренд, 2006. – 191 с.

46. Най Д. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Д. Най // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 20–24.

47. Насыров И. Р. Информационно-аналитическая работа в структуре международной деятельности регионов / И. Р. Насыров // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 3. – С. 85–99.

48. Никольсон Г. Дипломатия / Г. Никольсон; пер. с англ. Л. А. Гашкеля. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941. – 154 с.

49. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире / Н. В. Павлов. — М.: Наука. – 2005. – 410 с.

50. Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия / И. Н. Панарин. – М.: Городец, 2004. – 528 с.

51. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика / И. Н. Панарин. – М.: Телеком, 2006. – 264 с.

52. Переслегин С. Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эвология / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – 570, [6] с.

53. Переслегин С. Б. Вторая мировая: война между Реальностями / С. Б. Переслегин. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 544 с.

54. Переслегин С. Б. Первая мировая. Война между реальностями / С. Б. Переслегин // Война и мы. – М.: Яуза-каталог, 2016. – 512 с.

55. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 700–731.

56. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 680–700.

57. Подберёзкин А. И. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций / А. И. Подберёзкин, А. В. Жуков // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – № 6 (45). – С. 106–116.

58. Политические коммуникации / Петрунин Ю. Ю. и др.; под ред. А. И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.

59. Почепцов Г. Г. Информационно-политические технологии / Г. Г. Почепцов. – М.: Центр, 2003. – 384 с.

60. Примаков Е. М. Россия. Надежды и тревоги / Е. М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2015. – 148 с.

61. Рар А. Россия-Запад. Кто кого? / А. Рар. – М.: Издательство «Э», 2016. – 352 с.

62. Рассолов М. М. История политических и правовых учений: учеб. пособие для вузов / М. М. Рассолов. – М.: Юнити, 2010. – 431 с.

63. Рахимов К. Х. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как международная межправительственная организация / К. Х. Рахимов // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 1 (116). – С. 46–51.

64. Романова Е. В. Трактовки «европейского концерта» в британской и американской историографии / Е. В. Романова // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 7–17.

65. Самохвалова В. И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения / В. И. Самохвалова // Философия и общество. – 2011. – № 3. – С. 54–73.

66. Смирнов П. Е. Центральная и Восточная Европа между США и ЕС / П. Е. Смирнов // Канада – США: политика, культура, идеология. – 2005. – № 8. – С. 34–56.

67. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Д. Смит; пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.

68. Современные международные отношения: учеб. / под. ред. А. В. Торкунова. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1999. – 584 с.

69. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/424. – Дата обращения: 23.07.2019.

70. Стрелков А. А. Возможности и границы применения принципа политической обусловленности во внешней политике Европейского союза: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / А. А. Стрелков. – М.: Институт Европы РАН, 2009. – 290 с.

71. Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита: пер. с англ.; общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – 364 с.

72. Торкунов А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 476 с.

73. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер // Philosophy. – М.: АСТ, 2003. – 669, [3] с.

74. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/41460. – Дата обращения: 23.07.2019.

75. Фененко А. В. Современная история международных отношений: 1991–2018: учеб. пособие / А. В. Фененко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 455 с.

76. Фокина В. В. СМИ как акторы мировой политики / В. В. Фокина // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 61–65.

77. Фридман Д. Следующие сто лет. Прогноз событий XXI века / Д. Фридман; пер. с англ. А. А. Калинина, М. Я. Мацковской, В. А. Нарицы. – М.: ЭКСМО, 2010. – 336 с.

78. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма / пер. с англ. М. Б. Левина // Philosophy. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588, [4] с.

79. Ханна П. Второй мир / П. Ханна. – М.: Европа, 2010. – 572 с.

80. Хардт М. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.

81. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.

82. Цыганков П. А. Природа и закономерности международных отношений / П. А. Цыганков // Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова. – М., 2000. – С. 9–37.

83. Цымбурский В. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Цымбурский // Космополис. – 2007. – № 16. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/index.php?newsid=358 (дата обращения: 10.12.2019).

84. Чанышев А. А. История политических и правовых учений: учеб. / А. А. Чанышев. – М.: Проспект, 2006. – 591 с.

85. Чеботарев Н. Ф. Мировая экономика и международные экономические отношения: учеб. для бакалавров / Н. Ф. Чеботарев. – М.: Дашков и К, 2016. – 352 с.

86. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования / Г. П. Щедровицкий. – М.: Знание, 1964. – 46 с.

87. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР / Н. Н. Яковлев. – М.: Правда, 1983. – 464 с.

88. Adriaans P. Information / P. Adriaans // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Retrieved from: https://plato.stanford.edu/entries/information/. – Accessed on: 23.07.2019.

89. Agnew J. Geopolitics. Re-visioning World Politics / J. Agnew. – Taylor & Francis e-Library, 2003. – 150 p.

90. Amin S. Capitalism in the age of globalization: the management of contemporary society / S. Amin. – London: Zed Books, 2014. – 192 p.

91. Amstutz M. R. International Conflict and Cooperation. An Introduction to World Politics / M. R. Amstutz. – Boston: McGraw Hill College, 1999. – 162 p.

92. Banerjee J. United Germany's role in the post cold-war era / J. Banerjee // International Studies. – 2000. – Vol. 37. – No.1. – P. 41–59.

93. Barker C. Television, Globalization and Cultural Identities / C. Barker. – Buckingham: Open University Press, 1999. – 195 p.

94. Brzezinski Z. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy / Z. Brzezinski. – N. Y.: Basic Books, 2008. – 291 p.

95. Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. – January 2012. – Retrieved from: https://www.foreignaffairs.com/articles/2011-12-13/balancing-east-upgrading-west. – Accessed on: 12.10.2017.

96. Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower / Z. Brzezinski. – N.Y.: Basic Books, 2007. – 234 p.

97. Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power / Z. Brzezinski. – N. Y.: Basic Books, 2012. – 224 p.

98. Buchanan P. J. The Death of the West. – N.Y.: St. Martin's Griffin, 2001. – 320 p.

99. Cohen S. B. Geography and politics in a world divided / S. B. Cohen. – 2nd edition. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 356 p.

100. Cook C. Anti-Americanism, World Politics, and German-U.S. Relations / C. Cook // Thesis for the Degree of Master of Arts in Political Science. – Blacksburg: Virginia Polytechnic Inst. and State Univ., 2007. – 134 p.

101. Debord G. Comments on “The society of spectacle” / G. Debord. – London: Verso, 1990. – 94 p.

102. Churchill W. S. The Second World War / W. S. Churchill. – London: Cassel, 1965. – Vol. 1. – 724 p.

103. De Benoist A. Nicht nur in der Epoche geirrt / A. de Benoist // Junge Welt. – 2005. – № 5. – S. 31–32.

104. Detlefs G. Deutschlands Herausforderung im Zeitalter der Globalisierung: Geopolitik für das 21. Jahrhundert / G. Detlefs. – Tübingen: Hohenrain-Verlag, 1998. – 224 s.

105. Emmes M. P. Die Außenpolitiken der USA, Japans und Deutschlands im wechselseitigen Einfluß von der Mitte des 19. bis Ende des 20. Jahrhunderts / M. P. Emmes. – London: Lit, 2000. – 256 s.

106. Encyclopedia of World History / comp. and ed. by William L. Langer. – Boston: Houghton Mifflin, 1952. – 1243 p.

107. Fukuyama F. America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy / F. Fukuyama. – New Haven: Yale Univ. Press, 2006. – 264 p.

108. Fukuyama F. The future of history. Can liberal democracy survive the decline of the middle class? / F. Fukuyama // Foreign affairs. – Retrieved from: https://www.foreignaffairs.com/articles/2012-01-01/future-history. – Accessed on: 27.09.2017.

109. Hughes B. Continuity and Change in World Politics: Competing Perspectives / B. Hughes. – N. J.: Prentice Hall, 2000. – 499 p.

110. Jesenitschnig C. Zivilmacht EU? Analyse und Kritik eines theoretischen Konzepts und seiner Anwendbarkeit auf die Europäische Union / C. Jesenitschnig. – Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, Institut für Politische Wissenschaft, 2009. – 39 s.

111. Kaplan M. A. The Systems Approach to International Politics / M. A. Kaplan // New Approaches to International Relations. – N. Y.: St. Martin’s, 1968. – P. 381–404.

112. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. – N. Y.: Random House, 1987. – 677 p.

113. Kissinger H. On China / H. Kissinger. – N. Y.: Penguin Books, 2012. – 624 p.

114. Kissinger H. World Order / H. Kissinger. – N. Y.: Penguin Press, 2014. – 432 p.

115. Krotz U. National role conceptions and foreign policies: France and Germany compared / U. Krotz. – Cambridge: Harvard University Press, 2001. – 36 p.

116. Larsen H. A global military actor? / H. Larsen // Cooperation and conflict. – 2002. – Vol. 37. – Issue 3. – P. 283–302.

117. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 421–437.

118. Martens S. German Russian policy: between expectancy and pragmatism / S. Martens // Revue Internationale et Strategique. – 2009. – Vol. 74. – No. 2. – P. 60–73.

119. Maull H. W. Germany and Japan: The new civilian powers / H. W. Maull // Foreign Affairs. – 1990. – Vol. 69. – No.5. – P. 91–106.

120. Maull H. W. Germany's uncertain power. Foreign policy of the Berlin Republic / H. W. Maull. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 312 p.

121. Maull H. W. Globalization and German Foreign Policy / H. W. Maull // Internationale Politik und Gesellschaft. – Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachfolger, 2011. – № 2. – S. 148–161.

122. McLuhan H. M. Understanding Media: The Extensions of Man / H. M. McLuhan. – N.Y.: McGraw Hill, 1964. – 318 p.

123. Mingst K. Essence of International Relations / K. Mingst. – N. Y.: W. W. Norton, 1999. – 297 p.

124. Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace / H. J. Morgenthau. – 5th edition, rev. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – P. 4–15.

125. Nicholson M. International Relations: A Concise Introduction / M. Nicholson. – N. Y.: New York Univ. Press, 1998. – 212 p.

126. Norbert Wiener // Encyclopaedia Britannica. – Retrieved from: https://www.britannica.com/biography/Norbert-Wiener. – Accessed on: 23.07.2019.

127. Nye J. Soft power / J. Nye // Foreign policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

128. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – N.Y.: Public Affairs, 2004. – 130 p.

129. Oliker O. Russian Foreign Policy: Sources and Implications / O. Oliker, K. Crane, L. H. Schwartz, C. Yusupov. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2009. – 246 p.

130. Quigley C. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis / C. Quigley. – Indianapolis: Liberty Press/Liberty Fund, 1979. – 444 p.

131. Rahr A. Der kalte Freund / A. Rahr. – München: Hanser-Wirtschaft Verlag, 2011. – 352 s.

132. Rahr A. Kein Europa ohne Russland / A. Rahr // Internationale Politik. – 2009. – No.1. – S. 45–50.

133. Rahr A. Putin nach Putin. Das kapitalistische Russland am Beginn einer neuen Weltordnung / A. Rahr. – München: Universitas Verlag, 2009. – 296 s.

134. Rahr A. Russland gibt Gas. Die Rückkehr einer Weltmacht / A. Rahr. – München: Hanser-Wirtschaft Verlag, 2008. – 288 s.

135. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab / T. Sarrazin. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2009. – 464 s.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Библиотека Гумер – гуманитарные науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/, свободный. – Заглавие с экрана.

2. Военная Литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.militera.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

3. Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib-dpr.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

4. Журнал «Международная жизнь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://interaffairs.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

5. Журнал «Международные процессы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

6. ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

7. Издательство «Международные отношения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inter-rel.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

8. ИНОСМИ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.inosmi.ru, свободный. – Заглавие с экрана.

9. Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

10. Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cis.minsk.by/, свободный. – Заглавие с экрана.

11. Министерство иностранных дел Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid-dnr.su/ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

12. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/home, свободный. – Заглавие с экрана.

13. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

14. Научная электронная библиотека eLibrary.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

15. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.imemo.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

16. Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://odkb-csto.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

17. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/index.html, свободный. – Заглавие с экрана.

18. Проектная группа «Знаниевый реактор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://znatech.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

19. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

20. Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiancouncil.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

21. Секретариат Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus.sectsco.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

22. СИНЬХУА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russian.xinhuanet.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

23. Совет Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

24. ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

25. Электронно-библиотечная система Донецкого национального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.donnu.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

26. BBC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

27. BRICS Information Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://infobrics.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

28. CNN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edition.cnn.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

29. Directory of Open Access Journals [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doaj.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

30. disserCat – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

31. Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.britannica.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

32. European Union [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/, свободный. – Заглавие с экрана.

33. Foreign Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.foreignaffairs.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

34. FP [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://foreignpolicy.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

35. Internet Archive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

36. Internet Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iep.utm.edu/, свободный. – Заглавие с экрана.

37. iPolitics.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ipolitics.ru/, свободный. – Заглавие с экрана.

38. JSTOR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jstor.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

39. North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nato.int/, свободный. – Заглавие с экрана.

40. Project Gutenberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gutenberg.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

41. RAND Corporation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rand.org/, свободный. – Заглавие с экрана.

42. Reuters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.reuters.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

43. RT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rt.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

44. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://plato.stanford.edu/, свободный. – Заглавие с экрана.

45. The Diplomat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thediplomat.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

46. The Economist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economist.com/, свободный. – Заглавие с экрана.

Учебное издание

Кухтин Михаил Михайлович

Актуальные политические проблемы международной системы: учебное пособие

Редактор